

18+

ИРИНА МЕДЯНЦЕВА

Я проснусь мертвой

Ирина Медянцева
Я проснусь мертвой

«Издательские решения»

Медянцева И.

Я проснусь мертвой / И. Медянцева — «Издательские решения»,

Мир мертвых не молчит. Они приходят, чтобы вселиться в живых, доводя до роковой черты. Рина, бывший психиатр, сломлена горем. Ее единственная особенность — невосприимчивость. Она — пустота, в которую не вселиться. Это делает ее идеальным орудием в глазах Аза — существа, чья жажда мести скрывает собственную боль. Их связь — ядовитый симбиоз крови, лжи и страсти. Пока Рина теряет последние остатки человечности, Аз неожиданно начинает ее обретать. Вместе они бросают вызов демонам и ангелам.

© Медянцева И.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Боль	6
Глава 1. Когда мне было...	6
Глава 2. Терпи, скоро пройдет	10
Глава 3. Триггер	13
Глава 4. Смысл	15
Глава 5. Сталкер	17
Глава 6. Начало	19
Глава 7. На краю	21
Глава 8. Я Его не знала	24
Глава 9. Завещание	27
Глава 10. Цветы	30
Глава 11. Тень	32
Глава 12. Два сюрприза	34
Глава 13. Лишь бы...	36
Глава 14. Все не так!	38
Глава 15. Возвращение	40
Глава 16. Тварь	41
Глава 17. Сосед	44
Глава 18. Молись	46
Глава 19. Осколки прошлого	48
Глава 20. Страна Кошмаров	50
Глава 21. Бог покинул нас	52
Глава 22. Букашка, Солома и Ромашка	55
Глава 23. Раз, мертвец. Два, мертвец	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Я проснусь мертвой

Ирина Медянцева

© Ирина Медянцева, 2026

ISBN 978-5-0070-0495-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Боль

Глава 1. Когда мне было...

— Доктор, я бы с радостью все списала на паранойю, — мои пальцы нервно скользили по шее, помогая проталкивать слова. — Но смерть реальна. И она преследует меня с самого детства.

Я замолчала, наблюдая за его реакцией.

Передо мной сидел невысокий мужчина лет сорока — седина уже пробивалась в темных волосах, халат был небрежно накинут, будто его надевали на бегу. Пять минут назад он влетел в кабинет, как супергерой в недостаточно белом плаще, одной рукой приглаживая взъерошенные волосы, другой — схватив мою медицинскую карту. Я ждала его приема неделю и наконец была готова к психотерапии.

— Расскажите свою историю?

И я начала рассказывать.

— Когда мне было четыре, я потеряла почти всех родственников за один вечер. Новогодний ужин. Ботулизм. Нашу семью спасла моя внезапная болезнь — праздник мы с родителями встречали в больнице.

Я перевела взгляд в окно, погружаясь в свои первые похороны. Траурная процессия тянулась длинной вереницей гробов. Все плакали. Я тоже хотела как все, но не получалось. Ранние воспоминания давались легко: в детстве не бывает трагедии, даже если горе поглощает твою мать.

— Когда мне было восемнадцать, умерла бабушка. Мы были близки, и ее смерть стала первой настоящей утратой, — я тяжело вздохнула. Кислород застревал где-то в районе гортани, не доходя до легких.

— Марина Евгеньевна, у меня будет просьба, — психотерапевт, заметив, что я поморщилась, стал аккуратнее подбирать слова. — Когда говорите о тех, кого потеряли... Найдите хотя бы две причины их поблагодарить.

— Называйте меня Риной, — вздохнула я. — С полным именем у меня сложные отношения. И лучше на ты.

Он молча кивнул, а я продолжила.

— Благодарна бабушке за любовь к страшным сказкам, от которых стыла кровь. И за то, что научила ругаться со всей деревенской простотой.

Я улыбнулась, вспоминая, как мы с Ба принимали роды у дворовой собаки, и как она от избытка чувств называла щенят святыми мандавошками.

С ней всегда было весело и уютно — как на тех каруселях, что одновременно захватывают дух и заставляют смеяться. Теперь меня качало от горя к горю.

— Когда мне было девятнадцать, убили моего парня. Тело нашли в университетском туалете. Кто и зачем это сделал — не знаю... Среди ночи позвонили из полиции, спрашивали, когда видела его в последний раз. Я тогда слишком хотела спать и сбросила звонок... Это был мой последний здоровый сон.

Тревога сжала горло, исказив голос. Все было ясно и без психоанализа: сон нарушился из-за того, что тогда я позволила себе дальше спать. Пока он умирал, я спала. Неприятным бонусом к бессоннице шли дыхательный невроз и панические атаки.

Пока я по привычке растирала шею в надежде протолкнуть воздух, психотерапевт писал заметки. Ручка цеплялась за бумагу слишком громко для тишины этого кабинета. Я вспоми-

нала, как цеплялась за его мертвую руку, не в силах отпустить. Но в гробу осталось лишь тело, едко пахнущее формалином и разложением.

— Да, — мне казалось, что я давно пережила его потерю, и осталась только грусть. — Спасибо ему за панк и металл в моей жизни... И за близость в самых неподходящих местах.

Где нас только не было. Мы любили друг друга везде, и будто ставили галочки, как смертельно больные, в попытке успеть все попробовать.

— Полгода я не могла смириться с потерей. Сложнее всего было просыпаться и каждый раз понимать, что его больше нет. Поэтому я запретила себе засыпать... Через неделю мама не выдержала и позвонила моему декану. Тогда я впервые попала сюда.

Воспоминания снова стали свежи. Как будто открываешь книгу со старой закладкой — нужная страница и время вновь замирает. В то время я училась в медуниверситете на факультете психиатрии. А мой бывший декан теперь главный врач этой клиники. Уже десять дней я была здесь, в отделении пограничных состояний, или по-простому — неврозов, городской психиатрической больницы. Хотя пару лет назад в этом же отделении работала психиатром.

— Ты готова продолжать? — Тихо спросил терапевт, и я поняла, что молчу слишком долго.

В руке у меня была разорванная бумажная салфетка. Перед сеансом я собиралась рыдать, но слезы пока не спешили появляться, поэтому салфетка рвалась за ненадобностью.

— После смерти бабушка стала сниться, продолжая заботиться обо мне. Перед тем, как убили парня, во сне Ба была так зла на меня и просила порвать с ним. А через полгода после сказала, что буду счастлива как никогда. Но недолго.

Она всегда говорила короткими фразами, будто за каждое слово ей приходилось расплачиваться.

— Тогда я встретила будущего мужа и реально испытала то самое счастье. Но нормальный сон так и не вернулся.

Я поерзала, пытаясь сесть удобнее. Жесткий стул впивался в мои кости, напоминая о том, что комфорт вообще перестал быть мне доступен. Не в этой жизни.

— Благодарность... Благодарна ему за то, что он научил меня страсти и за то, что в итоге я перестала быть зависимой от отношений... Это сложно объяснить.

Я вновь замолчала. Мысли вязли, как мухи в ложке меда, за которыми я любила наблюдать у Ба в деревне.

Начинало темнеть. Мы сидели в самом обычном кабинете с дешевой, потрепанной годами мебелью и решетками на окнах. Стены с облупившейся краской пытались замаскировать картинами сельских пейзажей и портретами основателей психологии. Но прямые взгляды Фрейда и Юнга меня только угнетали, поэтому я предпочитала смотреть в окно.

— Он тоже умер? — Психотерапевт выстукивал нервный ритм ногой, будто специально усиливая мою тревогу.

— Нет... — я нехотя оторвала взгляд от зимней сказки за окном и вернулась к беседе. — Но он был на грани. Через четыре месяца мы поженились, а когда страсть утихла, любовь не пришла. Он начал изменять, я притворялась, что не вижу. Потом узнала, что не могу иметь детей... И тогда все окончательно развалилось.

Наверное, я выливая на него слишком много информации, и он, не переставая, писал заметки. Если бы знал, что я больше не вернусь, не тратил бы бумагу зря.

— Все закончилось, когда их застучал муж любовницы. Задушил свою жену, а его избил до комы. Но он выжил. Мы развелись, когда мне было двадцать четыре. В это же время я ушла с работы, поняв, что нельзя быть сломленным психиатром, который даже себе помочь не может.

Я подходила к самым болезненным воспоминаниям. Сознание, в попытке защититься, отчаянно искало якоря в безобидных мелочах. Сама природа откликнулась на мою боль, выплес-

кивая ее наружу. Падающий снег стал валить крупными хлопьями, а порывы ветра яростно колотили ветками деревьев по стеклу, предупреждая о надвигающейся беде.

— Поэтому я больше не хочу слушать свое полное имя. Оно напоминает мне о бывшей профессии и тех временах, когда ощущала полную беспомощность.

Тогда я с головой ушла в другую профессию, работала из дома. Иногда неделями не выходила на улицу, но зато быстро продвигалась по карьерной лестнице.

— Кем вы работаете теперь?

Психотерапевт отложил ручку и устремил на меня изучающий взгляд. В его глазах читалось любопытство, но ноги выдавали другое — нервный стук носка о ножку стола: отрывистый, сбивчивый, передающий сигналы к бегству. Возможно, он уже давно выгорел дотла. Или балансировал на самой грани.

— Работаю в компании, которая развивает нейросеть. Сейчас мы готовим ИИ для оказания психологической поддержки жертвам насилия.

Я любила свою работу и ненавидела отпуска, потому что на самом деле мне было страшно ощущать себя никем. Но не об этом был мой разговор, поэтому я перешла к самому больному.

— Почти два месяца как умерла моя мама. Она не справилась с вирусом. И папа был настолько безутешен, что начал пить. Через месяц он умер от передозировки алкоголем. А я так была поглощена своим горем от потери мамы, что не заметила его состояние.

Слезы наконец нашли выход. Я беззвучно плакала, глядя в трещины пожелтевшего потолка. Бездна накатывала холодными волнами зимнего моря, в котором меня заставили плыть.

— Это случилось две недели назад. Две самых ужасных недели назад я осталась одна в этом мире, — слезы скопились в горле комом мокрой ваты, от которого невозможно избавиться, и я с силой говорила через него. — Мои близкие и родные умерли. А всех своих друзей растеряла еще на момент развода. После похорон отца я не могла успокоиться, слезы не прекращались, пропал сон. Мне пришлось позвонить сюда, попросить помощи, и теперь я здесь в качестве пациента.

Последние слова своей безысходностью били в мозг — точно, безжалостно и окончательно. Судьба жестоко тренировала меня, но я не оправдала ожиданий.

Сдалась.

— Что ж, как бы это странно ни звучало, но я хочу, чтобы сейчас ты нашла плюсы сегодняшнего положения, — мягкий голос терапевта вынул меня в реальность. — Если тяжело, мы можем использовать метафорические карты.

— Не надо. И так понятно, что жизнь состоит из потерь и обретений, и знаю смысл моей ситуации, — я обреченно вздохнула. Эти истины давно были изучены мною на каждой своей потере. Иногда я их повторяла как мантру. — Одиночество — это ресурс, чтобы наполнить себя чем-то новым. Я всегда могу прекратить одиночество. Потому что еще жива, и моя жизнь — это дорога, а не тупик. Если я этого захочу.

Выученные фразы стали пустыми. В них больше не было смысла, как в произнесенной неверующим молитве.

— Ты этого хочешь?

— Не уверена. Я ничего этого не чувствую. Просто, благодаря своим предыдущим потерям, знаю, что так и будет. Это дает мне утешение.

— Что еще ты чувствуешь сейчас? Утешение и... — доктор начинал терапию, поэтому мне пора было заканчивать.

— Я горюю. Но теперь во мне нет той безграничной безысходности, как две недели назад. Пока только это. — Катастрофически не хватало воздуха. — Можно открыть окно?

Он кивнул.

Я распахнула створку, и морозный воздух наполнил мои сжатые легкие. Мне нравилась зима: ледяная свежесть разжимала тиски в груди. Я долго стояла, сопротивляясь порывам ветра и глотая ртом воздух вместе с залетающими снежинками, пока не почувствовала, что дрожу от холода.

— Хочу закончить на сегодня.

— Хорошо, — ответил психотерапевт, — буду ждать тебя завтра в это же время.

И я вернулась в свою палату.

Глава 2. Терпи, скоро пройдет

Ночью мне снилась бабушка. Тяжелый взгляд ее черных глаз проверял меня на прочность, а слова едва доносились с другой стороны вселенной:

«Хватит. Купи новый дом. И начни уже бегать.»

Она улыбнулась — сухие губы лопнули, и изо рта хлынули языки пламени. Адский огонь проглотил ее черты, оставляя только жуткий оскал в пустоте.

Я вскочила, еще чувствуя жар на коже. Сознание медленно, с тяжелым скрипом вставало на место.

3:16.

Пальцы вцепились в холодный подоконник, а глаза утонули в ночном небе, разрезанном на куски железной решеткой. Буря уже прекратилась, но снег еще шел. Теперь он медленно падал, освещенный одинокой лампочкой фонарного столба.

Сон держал в плену мои мысли. Бабушка снилась редко, перед важными событиями, всегда вытаскивая меня из очередного горя. И всегда растворялась в огне. Было ли это игрой моего бессознательного или действительно Ба и после смерти помогала мне жить? У меня не было ответа. Зато я могла к ней прислушаться.

«Хватит», — сказала она во сне, и теперь эти слова глухим гулом повторялись сами собой. Что ж, хватит, так хватит. Действительно, мне стало легче и пора возвращаться к работе.

К жизни вернусь позже.

Психотерапевт отработал свою роль слушателя, а большего вмешательства я ему уже не позволю. Утром схожу к Розе, пусть выписывает меня — игры в лечение пора заканчивать.

«Купи новый дом»? Хорошо. Переезд за город манил меня годами, обещая желанный покой. Помимо своей небольшой квартиры, в наследство от родителей мне достались еще две в разных районах города. А за последние годы яростной и безостановочной работы накопилась приличная сумма денег. Можно было купить дом мечты и осуществить еще несколько дорогих желаний. Например, машина. Когда-то я неплохо водила, но работа из дома и службы курьерской доставки чего угодно вычеркивали за ненадобностью автомобиль из списка желаний.

Сложнее всего был к исполнению третий пункт: *«Начни уже бегать»*. Зачем? Ба явно издевалась, зная мое отношение к любому виду спорта. Хотя, бегать я всегда умела, но только от проблем.

Ровно в восемь я стояла в кабинете своего лечащего врача, желая поскорее выписаться, и после недолгих уговоров выбила себе свободу.

— Рина, мать божья, начни уже регулярно питаться! — Роза смотрела на мое исхудавшее тело слишком критично. — Иначе я буду приезжать к тебе домой и кормить насильно.

Мы с ней родились в одном роддоме с разницей в пять минут, ходили в один детский сад, учились в одной школе и институте, и даже работали в одном отделении — но так и не стали за все эти годы близкими подругами.

— Роза, завянь, мое тело — мое дело. — Мне хотелось поскорее уйти, поэтому раздражение выплескивалось в слова. — Не приезжай, я буду тебе не рада!

Роза посмотрела на меня как в день увольнения — будто я снова дала трещину и утекала сквозь нее. Но пристальный взгляд сменился отстраненным, она пожелала больше не встречаться в клинике и переключилась на документы.

— Прости, Роззи, — бросила я через плечо, развернувшись к выходу. — На больных не обижаются.

Дверь захлопнулась, прежде, чем успели донестись ее возражения.

Вещи были собраны еще ночью. Я стояла на крыльце в ожидании такси, разглядывая себя в дверном треснувшем стекле. Последние недели стресса почти съели меня: куртка болталась,

словно тряпка на заборе. Осунувшееся лицо отказывалось улыбаться, веснушки побледнели вместе с кожей, глаза стали еще больше, но их когда-то яркий зеленый цвет помутнел. То ли от горя, то ли от принимаемых препаратов. Губы постоянно кровоточили: раны не успевали заживать, как я терзала их вновь. Только мои волосы пока еще чувствовали себя живыми. Но я знала, что скоро они тоже сдадутся и начнут выпадать.

Желтый огонек такси вынырнул из-за поворота. Водитель, не дожидаясь, когда захлопнется дверь, уже давил на газ, подрезая машины. Словно за нами гналась сама судьба. Все происходило так стремительно, как будто кто-то торопил меня, не оставляя времени на передышку.

Спустя десять минут я уже стояла в офисе элитного поселка. Риэлтор и нотариус одновременно поздоровались со мной: одна с фальшивой улыбкой, другая — с кипой бумаг, которые явно собирались стать моей головной болью.

— Марина Евгеньевна, завещание вашей матери оформлено полностью на вас, — равнодушно объяснила нотариус. — Так как иных живых родственников нет, то мы можем ускорить право вступления в наследство.

Тут же три квартиры были выставлены на продажу.

Риэлтор следом перехватила мое внимание, рассказывая о новом доме. Коттеджный поселок с многообещающим названием «Счастье» находился в трех километрах от города.

— Наш объект уже функционирует. Закрытая охраняемая территория. Почти двести домов с ремонтом под ключ. Развитая инфраструктура: торгово-развлекательный центр, фитнес-клуб, бассейны. Детские площадки. Теннисный корт и участок для мини-гольфа. Частный детский сад. Школы, правда, нет... — Она говорила быстро и много, звонкий голос впечатывался в мозг. Хотелось заклеить ей рот.

— Школа не интересует, — я прервала ее, — меня все устраивает. Нужен дом с двумя спальнями и кабинетом.

Я мечтала о нем еще на стадии строительства поселка.

— Прекрасный выбор для большой семьи! — Риэлтор радовалась, как за себя. — Вы точно будете счастливы!

— Я буду жить одна, — пришлось перебить снова, чтобы хоть как-то вывести ее из состояния восторженного идиотизма. А может, для меня теперь все счастливые люди выглядели идиотами? — Жду вашего звонка с результатами.

Я вскочила со стула, готовая броситься к выходу. Чувство вины накатывало удушающими спазмами — слишком быстро, слишком легко я разбрасывалась тем, что родители собирали годами. Руки по привычке прижались к горлу, пытаюсь перекрыть поток разочарования.

Подписав последние документы и не попрощавшись, я вырвалась из душного офиса, и сев в такси, открыла настежь окно. Лицо покрылось снегом от быстрой езды, зато дыхание почти выровнялось.

Квартира встречала меня мрачным одиночеством, обещая медленные пытки воспоминаниями. Я занялась работой в надежде отсрочить неизбежное. Привычные действия дарили передышку истощенному эмоциями сознанию.

От экрана я оторвалась, когда за окном стало совсем темно. Есть по-прежнему не хотелось. Чтобы не погружаться в чувство вины, которое плескалось на краю сознания после разговора с риэлтором, я включила фильм ужасов. Но кино было так себе и не завладело моим вниманием. Паника нарастала, как будто я стояла в очереди к электрическому стулу — еще шаг и меня не будет.

В голове крутилась одна и та же фраза: «Терпи, скоро пройдет. Терпи! Скоро пройдет! ТЕРПИ!!!»

К концу фильма жертва билась головой о пол во власти демона. Я же корчилась на полу во власти панической атаки.

Так я встретила свой двадцать седьмой день рождения...

Глава 3. Триггер

Утренний холод, ритм кроссовок и любимые мелодии в наушниках — почти месяц как стали моим новым ритуалом.

Я бежала по уже изученной дороге среди красивых домов коттеджного поселка «Счастье». Природа чувствовала приход весны, превращая снег в лужи. В них пока еще отражалось одинаково серое небо, но скоро и оно станет ярче. На газонах пробивалась первая зелень, а почки на деревьях были готовы лопнуть от радости, что смогли пережить эту зиму.

Каждое утро я благодарила Ба за ее советы — мне стало легче. Панических атак не было уже шестнадцать дней — это совпало с переездом в новый дом. Я вновь жила как умела и работала все свое время с перерывом на сон и еду. Тело было благодарно ежедневным тренировкам, а душа наконец обрела покой в этом уютном месте.

Такое тихое счастье, конечно, не могло долго длиться, но я даже не подозревала, что оно закончится прямо сейчас.

Я как раз подбегала к дому, когда увидела странную женщину, дергающую дверь моего забора. Но приблизившись, поняла, что это был батюшка в черной церковной рясе.

— Что вы хотите? — Мой голос осип из-за того, что я редко им пользовалась.

В последний месяц не было нужды разговаривать ни с кем, кроме курьеров. Еще пару раз звонила Роза, но я не брала трубку.

— Хочу поговорить с хозяевами этого дома, — ответил священник.

На вид ему было не больше двадцати пяти. Славянское лицо с мягкими, удивительно аккуратными чертами — будто его вылепили по идеальному шаблону. Но эта снисходительная улыбка, словно он одаривал всех своим присутствием... Так и хотелось ее чем-нибудь стереть.

— Дом... мой, — я еще пыталась восстановить дыхание после интенсивного бега.

— Как хорошо, что мы встретились! — Его рука взметнулась ко лбу, и прежде, чем я поняла, он уже перекрестил меня. — Я отец Михаил.

Раздражение горечью плеснулось на язык, но я стерпела.

— Угу, — из горла вырвалось мычание.

Знакомиться с ним я не собиралась, но хотелось сделать какую-нибудь гадость, например, перекрестить его в ответ. Он уловил мой мрачный взгляд на своих руках и невольно отступил на шаг.

— Ты ведь знаешь, что в нашем поселке есть маленькая часовня, но мы хотим построить храм. Для этого нужны жертвоприношения, поэтому я собираю мнение жителей.

Батюшка с удовольствием рассказывал о своей мечте.

— Я против.

С религией у меня не сложились отношения. Да и к Богу накопилось несколько претензий.

— Как это возможно? — Его голос сорвался на тон выше, а растерянное выражение лица могло бы позабавить, только вот на молодых священников у меня срабатывал триггер.

— Не понимаю твоего удивления. Мое мнение обязательно должно быть положительным?

Михаил дернулся — обращение на ты его задело, но он первый начал.

— Нет, но строительство храма — это святое дело! — Его голос звенел искренним недоумением, а на лице отразилась чистая, почти детская растерянность. Очевидно, в его мире отказов просто не существовало.

— Стройте. Но жертвоприношений с моей стороны не будет.

Пальцы вцепились в ручку забора, выдергивая ее на себя — скорее скрыться, лишь бы закончить этот нелепый разговор.

— Пожертвования, — он растерянно поправил меня.

— Какая разница, если смысл одинаковый.

Я проскользнула за дверь и быстро закрыла ее с обратной стороны, опасаясь, что Михаил успеет просочиться за мной.

Дом не стал спасением — воздух сгустился, превращая каждый вдох в борьбу. Пальцы дрожали, стягивая одежду, пока я настраивала душ. Первые ледяные капли прошлились электрическим разрядом по спине, зато сразу стало легче.

Стоя под водой, я вспоминала свое последнее добровольное посещение церкви. Мне было восемнадцать, Ба только умерла, и мама уговорила пойти на исповедь. Молодой батюшка накрыл меня своим подолом, вынуждая каяться в грехах. Я не была к этому готова, все, что крутилось в голове — это ложь родителям. Но священнику было мало простого признания, он жаждал подробностей. А когда я отказалась говорить, устроил карательное шоу: его голос эхом гремел под сводами. Он вышел из себя, объявив меня грешницей, потерявшей душу. Пожилые прихожанки (как сказала бы Ба, святые мандавошки) с удовольствием смотрели на это представление и выкрикивали вслед, что мне гореть в аду. Я выскочила на улицу и, стоя перед церковью, поклялась Богу, что больше никогда не буду соблюдать его обряды...

Зубы выбивали дробь, возвращая реальность. Мир медленно собирался вокруг меня, по пальцам бежала кровь. Я и не заметила, что снова содрала кожу с губ. Рывком перекрутила вентиль — вода стала обжигающей, смывая с кожи пот после пробежки и невидимую грязь тех воспоминаний.

Глава 4. Смысл

9:00.

Я готовила завтрак и фоном слушала новости, когда в дверь постучали. От неожиданности меня сковала тревога.

Снова Михаил?

Но, открывая дверь, я вспомнила, что заказывала доставку, и облегченно выдохнула:

— Привет, — слова выскочили прежде, чем я увидела перед собой мужчину с полными пакетами продуктов. Только он не был в форме курьера нашего супермаркета.

— Привет. Привез твой заказ. — Его уверенная улыбка сбивала с ног. — Я сосед из дома напротив.

Дерзкий взгляд скользил по моей коже, притормаживая то на границе шорт, то на вырезе футболки. Одежда внезапно оказалась прозрачной, и я инстинктивно скрестила руки на груди.

— Подрабатываешь курьером?

— Нет, — нагло хмыкнул он, — случайно сбил твоего курьера, когда выезжал с парковки. С ним все в порядке, но привезти твою доставку не смог. Занести в дом?

Я скользнула взглядом по нему — красивый... чуть старше. Восточная кровь выдавала себя в чертах: черные вьющиеся волосы, густые брови, щетина, тенью лежащая на скулах. Но глаза... Неожиданно голубые, как осколки летнего неба, залитые солнечным светом.

Черное пальто нараспашку, рубашка с открытым воротом, узкие брюки. Все в нем кричало о силе. Уверенности, граничащей с наглостью — и почему-то захотелось ей подчиниться.

Теперь он заметил мой блуждающий взгляд и улыбнулся шире:

— Оценила по достоинству?

Наверное, я должна была смутиться, но глаза продолжили блуждать, рассматривая каждую деталь:

— Не впускаю в дом незнакомцев.

— Давид, — он тут же предложил познакомиться.

— Давид? — Я удивилась нетипичному в наших краях имени. — Откуда ты, Давид?

— Из дома напротив.

Он улыбался, будто наш диалог был лучшей частью его дня. И я распахнула дверь шире, жестом приглашая внутрь. Конечно же только для того, чтобы он дотащил пакеты до кухни — таким мышцам грех не работать.

Через десять минут Давид сидел на барном стуле напротив меня за кухонным островом и доел мой завтрак. Я же довольствовалась кружкой горячего кофе и с трудом соображала от наполнявшей мой одинокий дом мужской энергии.

— Вкуснейший в моей жизни менемен! — Он закончил собирать остатки еды хлебом и откинулся на спинку стула.

Я любила турецкую яичницу, но на этом мои кулинарные таланты заканчивались.

— Теперь ты мне должен, — кружка с недопитым кофе отправилась в раковину, и я подняла на него взгляд, полный вызова.

Его глаза — нереально голубые, цвета теплого океана под ярким солнцем — будто прожигали меня насквозь, лишая воли, дыхания и самой способности мыслить.

— И что же хочет моя красивая девочка?

Он встал и неспеша направился ко мне, обходя стол. Его грубый голос с хрипотцой вибрацией отзывался внутри меня. Потерявшийся разум слабо возмущался тем, как этот незнакомец легко назвал меня своей, но через мгновение последние проблески сознания ускользнули, растворившись в сладком головокружении.

— Тебя, — я взяла его за рубашку, поднялась на носочки и притянула к себе. Наши губы почти касались, а его горячее дыхание пробуждало давно забытое чувство нестерпимого желания.

Сначала в его глазах плескалось веселье — я чувствовала, как под моими ладонями вздрагивали напряженные мышцы его широкой груди. Но уже через секунду он наклонился резко, почти грубо, губы врезались в мои, а руки впились в талию, прижимая так сильно, что между нами расплющился воздух.

Нас охватило безумие. Я рвала упрямые пуговицы на его рубашке, шелк трещал под моими пальцами. Он стаскивал с меня одежду, скользя горячими ладонями по обнаженному телу, вызывая то стон, то резкий вдох.

В одно движение он подхватил меня под бедра и усадил на столешницу — контраст ледяной поверхности и пылающей кожи заставил вздрогнуть. Но его тело тут же прижалось вплотную, не оставляя места холоду. Я вцепилась ногами в его бедра, пальцы лихорадочно расстегивали ремень, путаясь в пряжке — так хотелось поскорее сбросить эту последнюю преграду.

— Уверена? — Он задал вопрос сквозь поцелуй.

— Спросишь об этом после, — я спустила его брюки, а бюстгальтер тут же отлетел в сторону.

Он отстранился, его пылающий взгляд скользнул вниз, к моей груди — и я прогнулась сильнее, оперевшись ладонью о край стола. Пальцы другой руки убрали волосы, чтобы ничто не мешало ему видеть... Брат. И я жаждала найти в глубине его глаз не просто желание, а безудержное восхищение, которое было бы способно оправдать любую слабость и обелить любое безумие...

— Ты такая красивая, — выдохнул он, заставляя меня дрожать, и через мгновение презервативы уже были в его руке.

— Всегда носишь их с собой? — Я изнывала от желания, наблюдая за тем, как он натягивает защиту.

— Спросишь об этом после.

И он тут же вошел в меня.

Глубокий, огненный толчок вырвал из груди громкий стон, который был сразу поглощен его поцелуем — жадным, требовательным, не оставляющим места ни для стыда, ни для сомнений.

Толчок. Толчок. Я выгнулась сильнее, чтобы чувствовать его еще глубже.

Страсть переливалась через край густым вином из переполненного бокала — темная, пьянящая, слишком сильная, чтобы оставаться внутри.

Толчок. Еще один. Еще. Он подхватил меня, и мы оказались на полу, среди разбросанной одежды.

Впервые за долгие годы я дышала в полную силу. Его прикосновения казались чудом: ладони, согревающие кожу, губы, возвращающие к жизни. Я таяла как лед под весенними лучами солнца и могла думать только об одном.

Наконец-то...

Толчок. Вздых. Толчок. Стон. Толчок. Крик...

Волны удовольствия еще пульсировали во мне, когда его зубы впились в шею, а голос превратился в почти бессвязный шепот:

— Ты прекрасна... так идеальна... моя девочка!

Его бедра дернулись в последнем, отчаянном рывке. От этих слов и движений снова накрыло, смывая все: мое горе, мое отчаяние. Разрывая и вновь создавая мою душу. Было ли что-то идеальнее? Еще не было. На мгновение мне показалось, что я вновь стала целой. А он был тем, кого я искала все свои прошлые жизни.

Моим смыслом.

Глава 5. Сталкер

Тишина.

Лишь наше дыхание, не успевшее выровняться, нарушало ее. Я прислушивалась к этому ритму: сбивчивому, жаркому и такому живому.

Давид легко подхватил меня на руки, перенес на диван в гостиной и сам устроился рядом. Его тело — тяжелое и горячее — прижалось ко мне. Я тонула в этом тепле, в его запахе — смеси чего-то неуловимо притягательного и нездешнего. Того, что не имеет названия, но пробуждает скрытые связи. Он обвил меня рукой, прижимая еще ближе, будто боясь, что я испарюсь, если он хоть на секунду ослабит хватку.

— Я не знаю, как теперь жить без этого... — он смотрел на меня с преувеличенной скорбью. — Похоже, мне потребуется круглосуточный доступ к этой... мм... системе жизнеобеспечения. Иначе — смерть.

Я закатила глаза, но сдержать смехок не удалось — он вырвался сам, как пузырьки в газировке. И тут же подхватился его смехом, сливаясь в один беззаботный дуэт. Я поймала его взгляд, и он вдруг замер.

— Откровенность за откровенность. — Слова стали серьезными, а его тело напряглось.

— Ты о чем? — Мой голос мгновенно охрип.

Молчание затянулось на секунду, а я уже пыталась проглотить ком в горле.

— Ты рассказываешь, почему решила на секс с незнакомцем. Я рассказываю, почему в моем кармане были презервативы.

Он приподнялся на локте, и его ладонь скользнула по моей щеке — теплая, грубоватая, не оставляющая выбора. Тело легко поддалось этому прикосновению, и я, уже вся собранная в пружину, тут же расслабилась.

— Хорошо. Надеюсь, ты не ждешь признаний в любви с первого взгляда? — Смехок вырвался сам собой. — Все просто: ты красивый. Я тебя хотела.

Я глядела в его небесные глаза. Еще мгновение, и правда влюблюсь. Он нежно поглаживал мою кожу под грудью и после минуты раздумий произнес:

— Похоже, я специально сбил курьера, чтобы появился повод прийти к тебе.

Вот и все.

Я приподнялась, отстранив его руку. Он не заметил моей реакции и продолжил:

— Ты манила меня с тех пор, как переехала. Я не мог оторваться, и выучил весь твой несложный режим. Ты выходишь на пробежку каждый день в семь утра. — Он присел, взгляд устремился в окно, а пальцы запутались в густых волосах. — В последние две недели мое утро начинается с твоей тренировки. К девяти ты заходишь в кабинет и садишься за компьютер. Уезжаю, но когда возвращаюсь вечером, ты все еще работаешь.

Он замолчал, и я замерла в продолжении, уже точно зная, что будет только хуже.

— Раз в неделю ты заказываешь доставку. Никуда не уходишь, и к тебе никто не приходит. Во время работы кусаешь губы, но чаще ковыряешь их ногтями. Ты не ждешь слов любви, и это разумно, — голос сорвался на шепот, — но я точно влюблен в тебя, кажется, с самого первого взгляда.

В комнате стало холодно. Разочарование оглушило меня предсмертным криком разрушенной надежды: пять минут назад я была счастлива, но он все испортил.

Отчаянно хотелось сбежать из собственного дома, и я вскочила с дивана, торопливо натягивая одежду:

— Ты — гребаный сталкер! Влюбился с первого взгляда? Такое простительно только незрелым подросткам! — Я кидала в него вещи, чтобы он поскорее убирался. — Поэтому ты сейчас либо пытаешься мной манипулировать, либо... Я не вижу других вариантов. Уходи!

Казалось, его вообще не задели оскорбления. Меня же трясло от ярости: пока я наслаждалась тишиной и безопасностью, за мной все это время следили. Гнев быстро сменился страхом, когда стало понятно, что этот мужчина мне совсем незнаком. И меня только что использовали для удовлетворения своих больных фантазий.

Я уже готовилась к худшему — этот извращенец не уйдет просто так. Но к моему удивлению, он не стал задерживаться, сгреб свои вещи и с голым торсом вышел на улицу:

— Ты тоже меня полюбишь, не сопротивляйся, моя красивая девочка, — крикнул он на прощанье, улыбаясь так, будто ничего не произошло.

Я молча стояла на крыльце, наблюдая, как он переходит через дорогу к своему дому. У забора его поджидал собирающий жертвоприношения отец Михаил.

Так ему и надо!

Он — мой смысл? Какой бред!

Я вернулась в дом.

Уже полюбившийся кабинет выходил окнами на его двор и с этого момента перестал быть безопасным. Я резко дернула шнур — рулонная штора с громким шелестом захлопнулась, отрезая солнечный свет. Пусть лучше так, чем его пристальный взгляд за окном.

Работа.

Только она могла отвлечь. Я прилипла к монитору, пальцы бегали по клавиатуре, а мысли — по кругу: «*Неужели?... Нет. Это было взаимно. Или нет?*»

Наши клиенты — жертвы насилия. Я — просто дура, которая на минуту забыла, что доверять нельзя. Разница лишь в том, что их боль видна сразу, а моя спряталась под слоем стыда...

Ночь не принесла облегчения, но приготовила незабываемый сюрприз.

Это точно был сонный паралич.

Глаза открылись резко: надо мной нависла тьма. Огромная черная фигура.

Он?

Чокнутый сосед окончательно сошел с ума и украл ключи от дома?

Но это был точно не человек. На лице вместо глаз и рта чернели три огромные дыры. Существо вытянулось до самого потолка, уничтожая кислород в комнате. Я задыхалась — невидимые руки сжимали горло и давили на грудь. Паника накрыла с новой силой, когда рядом раздались чьи-то хриплые и влажные вдохи. Горячие слезы текли из глаз пока эта тьма медленно и неотвратно опускалась на меня.

Ледяная молния спасением прошла по позвоночнику, тело дернулось в судороге, возвращая возможность дышать и двигаться.

Фигура исчезла.

Чье-то хриплое дыхание оказалось моим.

А в голову пришла позорная мысль: может, лучше уже не сопротивляться и сойти с ума?

Мир продолжает душить меня, а я все пытаюсь от этого возбуждаться.

Мама... мне так страшно быть одной. Как же тебя не хватает...

Глава 6. Начало

Утро было недобрим.

Выйдя на пробежку, я заметила своего извращенца в окне соседского дома. Он улыбаясь, я презрительно отвернулась и рванула вперед. Музыка не отвлекала: ритм бился в висках головной болью, и я с раздражением выдернула наушники.

В тишине бежалось еще хуже. Мысли жужжали, как осиное гнездо, в которое ткнули палкой — хаотично, зло и гарантировано обещая боль. Пять километров дались с трудом — я еле дотащилась до дома и рухнула на порог.

Горячий душ привел в чувство, завтрак вернул ощущение реальности, а включенный телек создал иллюзию обычного дня. Допивая кофе, я прибавила громкость, ловя обрывки новостей:

«ЧП в ведущем научном центре: эксперимент по квантовым взаимодействиям нарушил границы между мирами. Ученые подтверждают — из параллельного измерения могут проникать сущности, ранее невидимые человеческому глазу. Сейчас специалисты экстренно работают над восстановлением защитного барьера.»

Я обреченно хмыкнула. Мне лишь осталось встретить призрака, и окончательно рехнусь.

Работа сегодня не клеилась. Вместо анализа я тупо пялилась в экран общего чата, где с безумной скоростью множились сообщения: ссылки, голосовые и тонны текста, пропитанные истерикой.

Квантовая физика... Параллельные миры...

Космическая херня.

Я решила относиться к этому как к очередной пандемии — не думать о ней, пока не заболею. Но новости все равно мониторила: каждый час приносил новые сенсации.

К вечеру появились первые подтвержденные истории. Призраки. Не кто-то в белой простыне, а реальные умершие родственники, появлявшиеся только после заката. Ученые назвали это Явлением.

Явления чаще случались там, где эти призраки жили когда-то, и я мысленно еще раз поблагодарила Ба — ее совет купить новый дом оказался пророчеством. Тем временем новости лились нескончаемым потоком: телеканалы, соцсети, мессенджеры — везде одно и то же, но каждый раз с новыми «уточнениями».

Так, в этом шуме, и прошло пару дней.

Я проснулась с навязчивой, почти болезненной мыслью: мне нужно выкупить квартиру родителей. Что, если там будет моя мама, и я смогу с ней поговорить?

Сегодня я впервые не бегала. К полудню новости стали одна мрачнее другой. Я уже набрала номер риэлтора, как на меня обрушилось новое предупреждение: призраки могут вселяться в живых, но все зарегистрированные случаи заканчивались одинаково — одержимые сходили с ума. Их самоагрессия достигала такого накала, что жертвы, невзирая на боль, уничтожали себя невообразимо жестокими способами.

«Просим вас быть особенно внимательными, по возможности не вступать в контакт, и в случаях Явления и Вселения немедленно звонить в Службу спасения по единому номеру», — закончила ведущая.

Телефон глухо шлепнулся на диван. Возвращать родительскую квартиру резко перехотелось. В висках застучало, в горле воскрес ком, а дом внезапно стал тюрьмой, стены которой сдвигались, уничтожая пространство.

Я рванула дверь и выбежала на улицу, успев надеть только кроссовки и напугав своим видом пару прохожих, с ужасом пялящихся в экраны телефонов. Им было не до меня. Мир сходил с ума, и я была его идеальным отражением.

Ледяной ветер обжигал голые ноги, но я продолжала бежать, с каждым шагом наращивая темп, пока в легких не осталось воздуха. От резкой остановки мир накренился, темнея по краям. Присев на бордюр, я опустила голову между коленей и повторяла свои привычные слова: *«Терпи, скоро пройдет»*.

Но даже когда сердце взорвалось в груди, а глаза ослепли от боли, я все еще была здесь — в той самой реальности, от которой пыталась сбежать.

Глава 7. На краю

Чьи-то руки подхватили меня, окутав тяжелым теплом одеяла. Перед глазами плыло чужое лицо — я моргала, пытаюсь разглядеть черты. Его губы шевелились, но в ушах стоял такой звон, что вот-вот лопнут барабанные перепонки. Когда меня прижали к груди, даже мысли не возникло сопротивляться. Ноги вдруг подкосились, и только горячие руки не дали рухнуть на землю.

Я очнулась, лежа на диване в своей гостиной. В кресле напротив сидел Давид, а меня укрывало его пальто.

— И как ты сюда зашел? — Резко поднявшись, я скинула чужую одежду, но пол снова накренился, обещая стать потолком.

— Ты оставила дверь открытой нараспашку, когда убегала из дома, — он осторожно протянул стакан. Я резко оттолкнула его, расплескав воду.

— Снова следишь за мной?

— Я как раз подъезжал к дому, когда ты выскочила на улицу в одних шортах. Пришлось бежать следом. — Он усмехнулся, запустив пальцы в волосы. — Хорошо, что увидел, иначе бы ты там, сидя на тротуаре, скончалась от холода.

— Может, это и не такая плохая смерть, — я равнодушно пожала плечами, вспоминая последние новости. — По сравнению с тем, что нас ждет?

— Уверен, что мы справимся, — его оптимизм начинал раздражать.

— Как?! Все умирают после встречи со своими мертвыми родственниками! А у меня такого добра, оказывается, навалом. Остается только ждать, кто из них первым явится, чтобы свести меня с ума!

Воздух резко ушел из легких, но хуже удушья было одно — на мою слабость будет смотреть мужчина.

— Возвращайся к себе! — Рывнула я, желая избавиться от него побыстрее.

— Не уйду, пока тебе не станет легче, — он присел на корточки возле меня и взял за руки. Его большие ладони были горячими и уютными. Мои же — холодными и липкими.

— Мне не станет легче! — Голос дрогнул, руки вырвались и пальцы с силой уперлись в грудь, отталкивая его.

— Тогда не прогоняй меня, — он проигнорировал все границы и обнял мои бедра.

Я вскочила с дивана, пытаюсь сбежать хоть куда-то, чтобы в одиночестве пережить свое состояние. Но этот мерзавец не отпускал!

Боже!

Так хотелось вырвать его поганые руки, которые заставляли меня стоять на месте!

Я тяжело задышала, но воздух никак не проникал в истерзанные легкие. В отчаянии я впивалась ногтями в шею и царапала грудь, чтобы хоть как-то протолкнуть этот чертов кислород:

— Отпусти... надо... на улицу... — Я говорила через рваные вдохи, а слезы текли острыми осколками моей никчемной жизни.

Воздух заканчивался. Но тот, что оставался вокруг, вдруг стал недоступным, как замерзшие во льду пузырьки.

Он накинул на меня свое пальто и вынес на террасу, но стало только хуже: осознание, что он видит меня в этом унижительном, животном страхе, сдавило горло еще сильнее, чем сама паника. Я не могла позволить себе быть слабой перед ним.

— Рина! Рина, ты слышишь? — Он встряхнул меня за плечи. — Тебе нужно сейчас отвлечься. Посмотри вокруг. Скажи, что ты видишь.

— Что? — Я не могла понять, чего он хочет.

— Переключись на то, что я говорю, — его голос пробивался сквозь звон в ушах. — Я вижу тебя, твои босые ноги, красивые светлые волосы. Вижу твои глаза изумрудного цвета. Веснушки на носу. Что ты видишь, посмотри вокруг! — Он развернул меня и притянул спиной к себе.

— Вижу... серое небо. Дождь. Я вижу... — Переключать внимание на окружающее было сложно, и взгляд с трудом фокусировался. — Мой сад... деревья... И лес... за полем.

— Моя девочка... — его губы едва коснулись виска. — Теперь озвучим этот мир. Я слышу твой голос. Твое дыхание... оно становится ровным, спокойным. И сердце... — Он прислонился ухом к моей шее. — Оно — мой маяк в темноте.

— Я слышу как шумит дождь... Птица поет... Машина вдалеке. Слышу... Почему не слышу твоего дыхания? — Я развернулась в объятиях, чтобы посмотреть ему в глаза. Он шумно вдохнул. — Да, теперь слышу твое дыхание.

— Ты прекрасно справляешься, — шепнул он мне на ухо. — Теперь скажи, что ты чувствуешь? — Пальцы осторожно провели по моей спине. — Я чувствую нежный запах твоих волос. — Его губы коснулись лба. — Твое горячее тело под моими руками. — Ладонь прижалась к моей щеке. — И твою мягкую кожу здесь.

— Чувствую, — я прижалась лбом к его груди, вдруг понимая, что мне действительно стало легче. — Как ты гладишь меня по спине. Чувствую твою тонкую футболку под пальцами, а под ней... жар твоего тела... Чувствую... Чертов извращенец! Я чувствую твое возбуждение! — Я не выдержала и рассмеялась, и этот смех уничтожил остатки паники. — Спасибо!

— Готов всегда быть рядом и отвлекать своим возбуждением, — он посмотрел на меня с таким обожанием, будто я была не просто женщиной, а... чудом.

А я утонула в этом взгляде. Еще вчера он был местным маньяком, теперь стал моим спасителем. И в этом безумном мире я дала волю своим чувствам. Какая, в конце концов, разница, кто он такой, если я тоже его хочу? Какая разница, кем мы были, если к ночи нас сведут с ума до смерти?

Это было так нежно, что мне хотелось навсегда раствориться в тех ощущениях. Он легко подхватил меня на руки, отнес в спальню и усадил на край кровати, откинув пальто. Когда его колени коснулись паркета, а губы — моей груди, мир утонул в горячем дыхании. Одежда исчезала медленно, словно он разворачивал драгоценный подарок. И каждый сантиметр обнаженной кожи оживал под его ладонями.

— Я не брал защиту, — вдруг отстранился он, — схожу домой.

— Не надо, — я притянула его ближе, — все равно не забеременею. Ты же ничем не болен?

Глупый вопрос — кто признается? Но желание обладать им крепко стояло впереди разума.

— Будь уверена, я тебя ничем, кроме счастья, не награжу, — улыбнулся он.

Я засмеялась, осознав, что уже чувствую себя счастливой. Такие эмоциональные качели в последние дни только обостряли чувства.

— Ты — мой рай, Рина, — шептал он, блуждая взглядом по моему телу. — Я хочу жить в нем до конца своих дней. В твоём дыхании. В твоих губах.

Его пальцы скользили вверх-вниз, окрыляя меня. Я плавилась шоколадным десертом на летней жаре, превращаясь во что-то сладкое и бесформенное и готовая принять для него любой образ.

— Я хочу, чтобы ты больше не страдала. Ни от прошлого. Ни от тревоги. — Он медленно двигался во мне, и его слова проникали в самую глубину моего больного сердца, словно он знал всю мою боль. — Я хочу быть тем, кто прикроет тебя, Рина. Я люблю тебя, потому что без тебя все не так...

И без него все не так...

Я нашла потерянный смысл, свою истину — ту самую заблудившуюся часть души. Эти новые чувства завораживали. Поглощали целиком, как познание запретной тайны.

Словно я коснулась чего-то Божественного.

— О, я вижу, как ты влюбляешься в меня, моя красивая девочка, — прошептал он, все еще часто дыша.

— Не носи чушь, — я фыркнула, столкнув его с себя. Липкие следы страсти стекали по моим бедрам, но даже это не заставило меня сдвинуться с места. По телу разливалась тяжесть, а сознание уже проваливалось в сладкую пустоту после слишком яркой эмоциональной бури.

Глава 8. Я Его не знала

2:31.

Я проснулась среди ночи. Невероятные двенадцать часов — впервые за восемь лет мой сон был похож на нормальный.

Давида не было в комнате — только призрачное тепло на его стороне кровати. В гостиной горел свет, на кухонном столе, придавленная стаканом, лежала записка. Бумажное полотенце и карандаш для глаз:

«В твоём доме нет ручки и бумаги? Решил не оставаться на ночь, все-таки мы совсем не знакомы и это было бы неприлично с моей стороны ##. До завтра. Люблю. Хочу.»

Я улыбнулась, все так просто: люблю, хочу. На бумажной салфетке. Мы ведь даже не обменялись телефонами, чтобы можно было написать сообщение. Но точно обменяемся. И я точно влюблюсь в него.

В спальне раздался шорох — едва уловимый. За долю секунды вспомнились все ужасы последних дней, и адреналин ядом прыснул в сосуды, а сердце рвануло вперед, заставляя ноги бежать.

Только не паниковать.

В новостях предупреждали: избегать контактов и выходить из дома. Я наспех натянула длинное пальто, высокие сапоги — вдруг на улице придется стоять до утра — и тихо прикрыла за собой дверь.

Во дворе горели фонари — их мягкий желтый свет успокаивал, словно мог сжечь своим теплом все страхи. Я мерила шагами расстояние между столбами и размышляла, почему призраки убивают? Это же родные люди. Неужели смерть стирает все: любовь, привязанность, память? Вопросов было больше, чем ответов.

Почему улица безопасна? Кто это проверял?

Почему днем можно не бояться?

Если живешь в чужой квартире — придут чужие призраки?

Все эти рекомендации из СМИ казались сырыми, словно их придумали за пять минут до эфира.

Через полчаса я начала замерзать. Ветер и влажность после дождя промочили волосы, а у пальто не было капюшона. В доме напротив, у Давида, горел свет, и я решила зайти. Звонка не было, поэтому пришлось стучать в дверь.

Тишина.

Я постучала громче.

А после ударила каблуком так сильно, что услышали бы все призраки поселка.

Дверь распахнулась.

Я замерла.

В открывшемся коридоре горел свет. Наши дома были близнецами, поэтому казалось, будто захожу к себе. Разум не оставлял попыток уговорить, что не стоит идти ночью в чужой дом: вдруг он живет не один и вообще женат. Но я хотела туда зайти. Интерьер был уютным и успокаивающим, и там точно было тепло. А еще невыносимо хотелось понять, кто он, увидеть его мир. Поэтому, прогнав сомнения, я осторожно переступила порог.

Я двигалась в сторону гостиной в безрассудном состоянии. Глухая тишина давила, будто мое тело оставили в давно забытом подземном склепе.

У дивана кто-то лежал.

Медленно, почти неслышно, я приблизилась...

Он был мертв.

О, это точно было ясно. Точнее некуда.

Его лица больше не существовало — сплошное месиво с осколками костей. Кровь растеклась по белому ковру тяжелыми темно-красными пятнами. Вместе с ней вокруг валялись куски плоти. Череп оказался расколот, и сквозь трещину проглядывало серо-розовое вещество мозга.

Глаза заплыли жидкостью, будто их выдавили, разжевали и выплюнули назад. Прекрасные губы исчезли...

Я завизжала. Но изо рта не вырвалось ни звука, ни вздоха. Крик остался внутри и ухнул в глубину, будто кто-то бросил камень в пустой бездонный колодец. Сердце замерло и заколотилось вновь.

Он был мертв.

И в то же время стоял передо мной. Такой же ослепительно красивый, как вчера. Волоски на шее встали дыбом, и вдоль позвоночника, словно острым ножом по коже, прошелся ледяной холод — я видела призрака. Снова хотелось кричать. Снова вокруг осталась звенящая тишина.

Он двинулся ко мне. Разум рвался в бегство, но ноги не слушались, лишь неловко пятнулись назад. Порог в коридоре подставил подножку, и я свалилась на задницу, больно ударившись копчиком.

Зато призрак побежал на меня.

Я инстинктивно закрыла лицо руками. В голове оглушающим церковным звоном билась мысль: какая нелепая смерть.

Боже... Какая нелепая смерть!

Прошла вечность. Прошло мгновение. Глаза открылись сами — рядом никого не было. Я продолжала сидеть на полу, боясь шелохнуться. Ожидая, когда сойду с ума и станет больно. Мысли болтались отдельно, никак не соединяясь в слова. Страх снова усилился, словно кто-то нажал до упора на педаль газа. Я подорвалась и побежала в сторону выхода, со всего маху врезавшись в дверь.

Заперта?

Мир не хотел выпускать меня из этого кошмара. Я дергала за ручку, налегая всем телом и совершенно забыв, что дверь открывается внутрь. Кулаки продолжали бить по металлу глухими, бесполезными ударами, когда за спиной раздались мертвые шаги.

Дверь не открывалась, дверь не открывалась.

ДВЕРЬ НЕ ОТКРЫВАЛАСЬ!

В глазах поплыли черные пятна и все резко выключилось.

Когда я очнулась, в коридоре все также горел свет. Никаких следов безумия. Я медленно поднялась, без проблем открыла дверь и вышла на улицу.

Он умер! ОН УМЕР!

Его больше не будет рядом. Снова кто-то важный для меня умер!

А я опять спала! Пока Он умирал — Я СПАЛА!!!

Слезы больше не приносили облегчения. В груди ядовитым дымом разрасталась огромная дыра потери.

У калитки своего забора я села на землю. Больше не было страшно. Стало больно.

Теперь мне будет больно.

Я так и осталась сидеть — окаменевшей статуей, застывшим воплощением разбитого горем человека, — пока шум сирен и чужие голоса не ворвались в эту реальность вместе со службой спасения.

Они вынесли Его тело, погрузив в машину скорой помощи. Спасатель подошел и протянул руку, предлагая помочь подняться. Но я отказалась, боясь, что больше не найду опоры на этой земле:

— Почему у Него разбито лицо?

— Он бился головой об угол стола, пока не умер. Вы знаете его родственников? Он жил один? Кому-то можно позвонить?

Я не знала ответа ни на один вопрос. На моих бедрах все еще оставались следы нашей близости. Но я так и не узнала Его.

Глава 9. Завещание

Из оцепенения меня вывел звук входящего письма на электронную почту. Я открыла его в телефоне. Работодатель сообщал о приостановлении проекта до «нормализации обстановки».

Плевать.

Я на автомате зашла в кабинет и включила компьютер.

За последние пять дней боль потери снова породнилась со мной. Она стала моими часами — тикала в ребра, считала пульс.

А может, прошло пять лет?

Боль сожгла все мои потребности. Сон, еда, работа — все стало ненужным и чужим, как будто и не жила вовсе.

Я разбита на части и большие никто не соберет меня.

По ночам звенела тишина — никаких шорохов и сущностей не было. Иногда мне хотелось, чтобы явился Он и избавил от страданий, пусть самым жестоким способом.

Но даже призраки бросили меня.

Хотя я не просто горевала. Я злилась как очень голодная бездомная собака, у которой отобрали последний кусок. Кто-то забрал у меня всех! Кто-то отнял у меня Его! Только предъявить претензии было некому. Злость циркулировала в крови, как нераспознанный вирус, уничтожая мои последние здоровые клетки.

Я стояла у окна, уткнувшись лбом в стекло и часами наблюдая за Его домом. В нем больше не было света. В нем больше никто не жил. Темные окна смотрели на меня мрачными пустыми глазницами. Когда-нибудь все закончится, кто-то купит этот дом и последняя память о Нем исчезнет.

Я ведь Его не любила!

Так не бывает... Так не страдают по незнакомцу!

Конечно, не любила!

Не может быть никакой говняной любви! Только чистая, яркая, убивающая все на своем пути ярость!

Я резко опустила рулонную штору, дернула ее со всей силы, сорвав с окна. Швырнула на пол. *Бах.*

Со стола полетел монитор. *Бах.*

Клавиатура метнулась к двери. *Бах.* Пластик глухо треснул, а мне нужен был взрыв — хоть как-то пробить эту реальность.

Мышка с сухим щелчком отскочила от стены. *Бах.*

С полка крупным градом посыпались книги. *Бах. Бах! БАХ!*

— КТО ТЫ ТАКОЙ???. Какого хера ты так меня испытываешь? — Крик рвался из хрипящего горла, и я не понимала, к кому обращалась. — Я найду тебя и убью! Найду и убью! Найду и убью!!!

Я пнула ногой стол и выскочила из кабинета. Не оглядываясь, рванула в прихожую, содрала с вешалки куртку и вылетела на улицу.

Я бежала, а мозг отчаянно искал новый план. Мне нужна была эта гребаная цель, чтобы продолжать жить! Призраки, убивающие людей... Я должна была докопаться до сути, понять, почему они умирают.

И кто явился Ему.

Вся информация из новостей казалась враньем из-за сплошных противоречий. Например, они твердили о стопроцентной смертности после встречи с призраками.

Я ведь не умерла?

Мне требовался первоисточник. Тот, кто побывал на той стороне и мог рассказать правду. Мысль ударила с ясностью безумия.

Ба.

Ее дом в деревне был пуст. Доступен. Если ее призрак где-то и является, то именно там. Я развернулась и рванула назад, увеличивая темп. Вещи, деревня, пара ночей — новый план сформировался на бегу.

В доме, не умолкая, звенел телефон.

К чертям собачьим, кто бы это ни был!

В таком состоянии я могла говорить только с мамой. Или с Ним. Но все, кто был нужен мне, оказались в списке мертвых.

После звонка посыпалась куча сообщений. Интерес преодолел апатию, и я взяла телефон.

Писала Роза:

«Привет. Перезвони.»

«Позвони, пожалуйста.»

«Ри, ты мне нужна.»

«Я схожу с ума! Три дня как умерла мама. К ней явился призрак моего отчима.»

Умерла мама... Эти слова вскрывали еще незажившие раны моего сердца. И я перезвонила.

Роза после первого гудка подняла трубку. Ее голос, всегда такой уверенный, теперь звучал как хриплое эхо моего отчаяния.

— Переезжай ко мне, — вырвалось у меня, хотя секунду назад эта идея показалась бы бредом.

Но Роза была на грани. Остаться в своем доме она больше не могла — призрак матери в конце концов убил бы ее.

— Ты не шутишь? — Голос в трубке тут же пропитался надеждой.

— С чего бы? — Тоскливо ответила я. — Только никаких дружеских бесед по вечерам.

Я на это неспособна.

— У тебя тоже кто-то умер? — Вдруг поняла Роза.

Но я уже повесила трубку.

Через час в дверь постучали.

Роза?

Я распахнула дверь — на пороге возвышался незнакомец — широкоплечий и грузный, заполнивший собой весь проем.

— Марина Евгеньевна? — С одышкой спросил он.

— Да, — услышав свое полное имя, я поморщилась, будто мне в рот засунули горькую таблетку.

— Адвокат господина Асаева, — представился он.

— Кто это? — я нахмурилась, не понимая, чего от меня хотят.

— Асаев Давид. Должен ознакомить вас с его завещанием, — от Его имени у меня подкосились ноги, и пальцы вцепились в ручку двери. — Можно войти в дом или лучше вы приедете ко мне в офис?

Я молча пропустила его в гостиную. Тяжело опустившись на диван, он повторил:

— Как адвокат господина Асаева, должен ознакомить вас с его завещанием. Вот официальные документы, можете почитать, — он передал мне бумаги, и я автоматически взяла их. — На словах скажу, что в ночь своей смерти господин Асаев переписал все свое имущество на вас. Так как у него нет живых родственников, то вы можете обратиться к нотариусу для ускорения процесса передачи имущества вам.

Адвокат замолчал, ожидая реакции.

— Не хочу.

Я была против какого-то имущества, верните мне Его.

— Тогда по закону все перейдет государству. — Он поправил галстук и прокашлялся, готовый переубедить кого-угодно. — Мне не хотелось бы этого варианта развития событий. Подумайте: строительная компания с сетью отелей вдоль всего побережья. Вам не нужно вникать в дела, я останусь вашим представителем. Плюс вклады, автомобиль. И два дома: в его родном городе и напротив вашего.

Дом напротив.

Мысли тут же повернули в нужную сторону: теперь он будет моим. Его не выставят на продажу. Не выбросят Его вещи, не сотрут Его следы.

А я смогу приходить туда.

Ночью. Когда Он является. Чтобы вновь увидеть.

Он не свел меня с ума в первую встречу, поэтому нужно попробовать встретиться еще раз. Идея крючком впилась в мозг, и я подписала согласие, не читая. Адвокат дежурно улыбнулся, положил визитку на стол и исчез, оставив меня наедине с новым безумием.

Роза приехала к вечеру. Растрепанная, с опухшими глазами и кровавыми губами — словом, мой близнец. Мы приготовили для нее вторую спальню и молча разошлись по комнатам.

Ни бесед, ни слез — только тишина и две пары легких, разучившихся дышать...

Глава 10. Цветы

Утром курьер принес цветы — мои любимые пионы. В записке одно слово: «Люблю». И подпись Д. Боль прострелила меня, не давая и шанса на выздоровление. Я съежилась на полу террасы, впиваясь пальцами в стебли — будто они могли что-то исправить. Утреннее солнце слепило глаза, но я не отводила взгляд: на кроваво-винных лепестках дрожали капли росы. Или мои слезы...

Боже, что же Ты со мной делаешь, Давид! Мне хотелось вырвать свое глупое дырявое сердце, которое так и не смогло разучиться любить.

Роза вышла на террасу и потянулась к пионам. Я шикнула, отдернув цветы прежде, чем ее рука осквернила их.

Они только мои.

— Не истери, не заберу я твой букет. — Роза вновь протянула руку, помогая подняться с пола. — Пошли в дом, нужно поговорить.

Мы устроились в гостиной. Я молча ждала, пока она соберется с мыслями. Роззи мяла в руках бумажную салфетку и даже в этом состоянии была прекрасна: угольные волосы обрамляли фарфорово-бледное лицо, карие раскосые глаза перешли по наследству от отца, которого она никогда не видела. Двадцать восемь лет назад ее мать вернулась из Турции с живым сюрпризом под сердцем.

— Я знаю, что ты не любишь гостей, — начала Роза, — поэтому позволь мне остаться хотя бы на неделю. Я попробую подобрать себе новое жилье.

— Можешь оставаться сколько угодно, — возразила я.

— Я постараюсь уложиться в неделю. Ты знаешь, какая сейчас напряженка с новой недвижимостью? Цены взлетели. Все стараются переехать туда, где никто не умирал, — от последнего слова у Розы проступили слезы.

— Роззи, я не хочу, чтобы ты уезжала. Мне кажется, нам будет лучше держаться друг за друга, — я смотрела на пионы в вазе. Они одновременно вызывали во мне трепет и ужас, как подарок с того света. — Тем более, у меня теперь два дома. Если не уживемся, могу съехать в дом напротив.

Роза пропустила эту информацию мимо ушей и продолжила:

— Твой психотерапевт умер. На дежурстве.

— Он не мой и мне все равно.

Пусть весь мир погибнет, я буду переживать только о Нем.

— А я ушла с работы. Ночные смены стали смертельными. Больше всего боялась, что явится призрак нашего первого пациента. — Роза взглянула на меня, горько усмехнувшись. — Помнишь его?

— Такое не забудешь, — пробормотала я, вспоминая последний курс института. — Даже если сильно захочешь.

Тот парень собирал обрывки газет из туалета, бережно раскладывая их по пакетам. Шизофреник, одержимый концом света. В вечном поиске знаков, даже в использованных газетных обрывках.

— Да, он выкладывал перед нами эти бумажки, доказывая, что вот-вот откроются врата ада. А потом прочитал, что нужно умереть ему, и апокалипсис не случится. Мы тогда только посмеивались. Пока он не повесился на больничной простыне... — Роза отвернулась к окну, пряча слезы. — Это ведь наша вина. Если бы вовремя заметили, когда его бред превратился в конкретный план...

Мы молча сидели, каждая в своих воспоминаниях.

За окном медленно оживал мой сад — кажется, апрель уже наступил. В прошлом апреле Роза вломила ко мне под вечер, запихнула в машину и устроила тур по крышам города. Я готова была прибить ее, пока не замерла на краю тридцатого этажа, прижав к груди бутылку теплого шампанского. Тогда перед нами повисло солнце — огромное, расплавленное, как золотой диск, брошенный в кипящее море заката. Мы кричали свои желания ветру, загадывая стать счастливее. Что ж, никто не обещал, что мечты должны исполняться.

Роза продолжала смотреть в окно. Интересно, она считала меня своей подругой? Я точно не умела дружить, для меня это было бременем и ненужной тратой энергии. Но эта хрупкая девушка иногда затмевала собой мое одиночество.

— Чьи это цветы, Ри? — Нарушила тишину подруга. — Почему ты на них смотришь, как на могилу?

— Не хочу, Роза. Не хочу!

Я сбежала в комнату, прихватив букет с собой.

Сегодня ночью я точно увижу Его.

Глава 11. Тень

Когда Роза заснула, я тихо выскользнула из дома. Не стоило посвящать ее в свои планы, иначе пришлось бы рассказать всю историю с Давидом. Днем я съездила к адвокату — холодный ключ теперь жег ладонь. Я стояла на пороге Его дома, вспоминая, как впервые сюда зашла. Тогда мне было страшно увидеть его жену или любовницу.

Боже, пусть бы так и было!

Лучше бы Он был жив, женат и счастлив без меня!

Тогда я смогла бы ненавидеть Его. Ненависть однозначно лучше любви.

Дверь бесшумно открылась, и в нос ударил спертый воздух, густо пропитанный хлоркой. Адвокат накануне заказал клининг, чтобы вычистить все следы смерти. Белый ковер и журнальный столик исчезли вместе с ними. Остальное выглядело до жути знакомым, словно я прошла по ту сторону зеркала своего дома. Выключатели мягко щелкали, пока я медленно обходила все комнаты, задержавшись в Его спальне.

Шкаф распахнулся, и волна Его запаха накрыла с головой.

Живой.

Сердце заколотилось. Казалось, Он где-то рядом... дышит мне в затылок. Холодок ужаса пробежал по позвоночнику: вдруг Он и правда стоит сзади.

Я замерла, не смея поворачиваться. Дыхание забило в частом ритме — еще немного, и паника сведет меня в могилу.

Но ничего не происходило.

А чего я ждала? Может, Он и вовсе не хочет являться мне.

Страх неожиданно переродился надеждой.

Пусть я ошибаюсь! Пусть Он хочет меня. Придет. Сейчас.

Я резко обернулась, но комната так и осталась пустой.

Разочарование трупным пятном расплзлось по сердцу. Я схватила из шкафа Его футболку — ткань была грубоватой и пахла им так ярко, что перехватило дыхание.

Приди! Пожалуйста...

Я прижала ее к себе и свалилась на кровать.

Время загустело и, как мед с ложки, капало слишком медленно. Мое дыхание выровнялось, я считала биения сердца, доходила до ста и начинала заново.

Поднялась. Стянула с себя толстовку и надела Его футболку. Легла. Глаза, не отрываясь, следили за дверью. Я снова считала удары...

Девяносто девять... Сто... Раз... Два... Три...

5:37.

Солнце беспощадно било в глаза, насмехаясь над моими надеждами.

Он не вернулся.

Пришлось уйти домой, пока не проснулась Роза. Сменив Его футболку на спортивный костюм, я выскочила на улицу. Темп пришлось сбросить — тело, отвыкшее за эти дни от нагрузок, предательски ныло.

Сегодня я снова пойду к Нему.

Снова и снова, пока не встретимся.

Но и в эту ночь Он не пришел. В Его доме вновь стояла мертвая тишина, и в этот раз я не включала свет. Забравшись с ногами на кровать, я пыталась подобрать подходящее описание для моего состояния.

Если бы у нас было больше времени — чтобы остыть, охладеть, — мне было бы проще отпустить. Но Он исчез, как вспышка света в темноте, оставив после себя лишь ожог на сердце и бесконечные «что, если»...

С каждой новой смертью умирала часть меня.

И больше некому было остановить этот душевный некроз.

Я трогала воспоминания, но они крошились, словно обугленная бумага. Исчезало все, что когда-то пульсировало жизнью. Теперь оставалось молча смотреть, как разлагается мертвая ткань.

Пусть мне больше нечем будет любить.

Пусть только злость останется живой...

В полночь я устроилась на подоконнике. Лунный свет заливал мою подъездную дорожку, превращая асфальт в россыпь серебряных осколков. Веки слипались, сознание уплывало в короткий, тревожный сон. И в этом полусне, в мгновение ока, на моей дорожке появилась Тень.

Четкий мужской силуэт.

Я уже подскочила, готовая броситься вперед — это Он...

Но Тень резко обернулась, ярко сверкнув рубиновыми глазами.

От неожиданности я рухнула назад, и позвоночник отозвался острой болью.

Светятся ли у призраков глаза?

Я поднялась, прижимаясь к стене, будто сама была тенью, и незаметно выглянула в окно.

Он стоял там же.

Никаких красных глаз.

Теперь я разглядела его четче, не понимая, как могла Это принять за Давида. Силуэт был слишком огромным, кажется, больше двух метров. На голову надет капюшон то ли от толстовки, то ли от куртки. Широко расставленные ноги заканчивались массивными берцами.

Маньяк? Охотник? Или кто-то похуже?

По положению ног было понятно: Тень развернулся прямо ко мне и сейчас смотрит в мое окно. Я дернулась в бок и прилипла к стене, затаив дыхание.

Если призраки не выходят на улицы, значит это человек...

Какой человек стоит в полночь под окнами, не двигаясь, как статуя?

В голову вдруг пришла мысль, что он опаснее всех призраков. Это была интуиция или разбушевавшаяся фантазия, я не понимала. Но точно знала, что лучше не высовываться.

На коленях я доползла до выхода и закрылась в ванной, потому что только оттуда Тень не смог бы увидеть свет. А свет пришлось включить. Воображение разыгралось не на шутку. Сразу стало понятно, какая я дура: ведь ко мне мог явиться не Давид, а умерший родственник, который свел Его здесь с ума.

Я прижалась спиной к двери и просидела на холодной плитке до утра.

Глава 12. Два сюрприза

Переодеваясь для пробежки, я твердо решила завязывать с ночными экспериментами. Роза уже проснулась и ходила за мной по пятам, пристально вглядываясь:

— Ты знаешь, я сегодня не спала, — начала она. — Все глядела в окно на соседний дом. Ты там пропадаешь?

Я продолжала молча завязывать шнурки кроссовок так крепко, что они трещали, требуя пощады.

— Надеюсь, у тебя там живой любовник и тебе было хорошо.

Ее бред внезапно стал невыносимым, и я резко подскочила:

— Роза, ты ночью видела огромную тень, метра два ростом, в капюшоне? Около нашего дома?

Ее брови поползли вверх.

— Издеваешься? Нам и так кошмаров хватает! Ты еще и маньяков придумала?

Значит, не видела...

— Ладно. Считай, что мне показалось.

Я сбегала на улицу, избавляясь от ненужных расспросов.

Пробежка всегда приносила облегчение, сменяя ощущения с черной дыры потери в груди на обычную физическую боль в той же области. Я чередовала бег и ходьбу, погрузившись в оцепенение, пока резкий сигнал часов не предупредил о том, что тело на пределе.

Подбегая к забору, я замедлила шаг, чувствуя как пот стекает по спине, а в ушах еще стучит кровь. Глубоко вздохнув, открыла калитку и напоролась на новый сюрприз.

Корзина цветов, оставленная курьером у порога. Я упала в кресло на крыльце, вдыхая терпкий аромат роз, и перечитывала записку снова и снова, пока не поплыли буквы: *«Люблю еще сильнее. Д.»* Его голос звучал в голове, и с каждым разом слова жгли все больше.

Я зажмурилась, стараясь подольше сохранить этот миг, представить, что Он рядом, но тишина лопнула, когда из дома донесся чужой голос.

Еще один сюрприз сидел у меня на кухне. Отец Михаил — на моем стуле, за моим столом. Роза наливала ему чай в мою кружку и мило болтала о пустяках, словно пытаюсь отвлечь. Гнев, копившийся днями, едва не вырвался наружу, но тут он обернулся, и я поняла, что мой дом пополнился третьим несчастным.

Михаил с опаской посмотрел на меня:

— Я лучше пойду, — пробубнил он вместо приветствия.

Парень был одет в простые джинсы и свитер, и без рясы выглядел совсем мальчишкой. Его измученное, бледное лицо было точной копией наших с Розой — такие же темные круги под глазами, такие же растерзанные в кровь губы.

— Кто умер? — выдохнула я.

— Мама.

Слишком часто это слово звучало рядом со смертью. Теперь я поняла, почему Роза так суежилась вокруг него.

— Ри, прости, что без спроса впустила, — Роза виновато посмотрела на меня и принялась прибирать посуду. — Вы же знакомы?

— Знакомы, — буркнула я, опуская корзину с цветами на пол. — Это отец Михаил.

— Чей отец? — Роза оторвалась от мытья тарелок и недоуменно посмотрела на меня.

— Крестный, — выдавила я, словно вся эта христианская ерунда была пропитана змеиным ядом. — Святой отец, что же ты не представился, не перекрестил? Не попросил жертвоприношений для новой церкви?

Михаил поник. А я опомнилась и проглотила все свои колкости, пытаюсь смягчить ситуацию:

— Прости. Я сожалею о твоей маме. Моя умерла несколько месяцев назад, мама Розы — несколько дней назад. Оставайся здесь, если тебе некуда идти.

Роза с благодарностью посмотрела на меня и опустилась на стул рядом с парнем.

— Я сначала зашел к Давиду, но его не было дома, — Михаил говорил почти шепотом, а моя память ранами пульсировала в такт Его имени, — мы с ним в прошлый раз долго беседовали и у нас оказалось много общего. Поэтому, когда Давид вернется домой, я попрошу его приютить меня.

— Он... мертв, — с трудом выдохнула я, отворачиваясь к окну. Слова повисли в воздухе, как дым после выстрела.

Роза ахнула, поняв что-то в своей голове, Михаил прошептал короткую молитву, а мне снова стало больно дышать.

— Почему ты не пошел в свою часовню? — Раздражение опять полезло наружу, пытаюсь скрыть за собой боль.

— Ри, мы с тобой не в курсе новостей, — Роза перехватила разговор и жестом пригласила меня сесть за стол. — Оказывается, церкви, храмы и все, что с ними связано, объявили безопасными местами. Люди поголовно уверовали в Бога. В общем, у кого нет безопасного ночлега, проводят ночи там. Из-за этого появились конфликты, где-то за вход приходится платить либо хитрожопому батюшке.

Михаил попытался возмутиться, но Роза остановила его вскинутой рукой. Ее голос постепенно нарастал и теперь раздавался где-то под потолком.

— Либо рейдерам, которые захватывают такие места и устанавливают свои законы. А власть перестает справляться с ситуацией! Ри, я очень боюсь, что будет дальше, давай оставим у нас Михаила! Нам просто необходим мужчина в доме.

О, я знала эту фальшиво беспомощную Розу! Она точно что-то задумала. Но сегодня я не стала спорить — пусть играет во что угодно, если это хоть как-то будет отвлекать ее от горя.

— Если он сам не против. Остался еще удобный диван в кабинете. Нужно только прибраться. — Я вспомнила разгром, который в последний раз там устроила. — И у меня условие: страдайте молча в одиночестве. Никаких групповых сеансов. А если уже пострадались, есть кое-какие дела.

Глава 13. Лишь бы...

Вечером мы собрались за ужином, и я впервые за долгое время по-настоящему поела. Роза устроила пир — стол ломился от простых, но таких родных блюд. Впрочем, ее старания явно предназначались только Михаилу — она то и дело подкладывала ему самые вкусные ломтики, наливала чай, прежде чем он успевал попросить, и смотрела на него с таким вниманием, что мне было неловко за ней наблюдать.

Я украдкой изучала Михаила: в обычной одежде он выглядел совсем иначе — ни тени фанатизма, только смущенная улыбка всякий раз, когда Роза обращала на него внимание.

Разобрав посуду, мы приступили к изучению фактов.

— Итак, что у нас вышло, — мой голос звучал ровнее, чем я чувствовала. — Явления всегда сопровождаются вселением, кроме моего случая. Мы искали, но ничего похожего не нашли. Погибают все.

А что, если Он действительно любил меня настолько, что даже после смерти не мог причинить вреда?

Мысль обожгла теплом и тут же разъела душу безысходностью.

— Явиться может не только родственник, но и любой умерший, который ранее жил здесь. Значит, сущности привязаны к месту — жизни или смерти.

— Да, это, может быть любое место. — уточнила Роза. — Улицы тоже небезопасны, просто там реже можно встретить сущность.

— Хорошо, — продолжила я. Разговор возвращал меня в реальность, на время приглушая пустоту внутри. — Есть еще интересная закономерность: недавно умершие являются чаще. И чем больше времени проходит со смерти человека, тем меньше шансов на его явление. За этим кроется какая-то причина... но мы пока не разобрались.

— Возможно, все дело в обрядах, — задумчиво произнес Михаил. — Раньше все соблюдали христианские каноны погребения. Теперь проходят в основном гражданские панихиды — без отпевания, без молитв...

Я скривилась — опять он влез со своей верой.

— Не хочу все сводить к религии.

Годы изучения психиатрии сделали свое дело: теперь я видела в вере лишь костыль для незрелой психики — удобный побег от собственного Я. Временный способ заглушить крики больной души ритуалами и молитвами. Но столкновение с ненормальными явлениями ставило неудобные вопросы.

— Без религии, похоже, не получится, — продолжила за меня Роза. — Святые места — единственные, где не было зафиксировано вселений. Как и в чистых домах без смертей.

— Хорошо, — я все-таки сдалась. — Но защита связана не с конкретной религией. Мечети, например, тоже признаны безопасными. А с чем-то... более глубоким.

Может, за тысячелетиями религиозных практик скрывалось не только человеческое отчаяние, но и какая-то неуловимая истина?

Я встряхнула головой, отгоняя эти мысли, сосредотачиваясь на чем-то обычном:

— У нас складывается неплохая ситуация: поселок новый, было всего пару случаев явлений. Территория закрыта и охраняется. Если положение не ухудшится, то можно притвориться, что живешь нормальной жизнью, — я вздохнула. Нормальная жизнь? Даже если мир каким-то образом вновь станет прежним, мой личный ад никуда не денется. — Теперь самое непонятное в сложившейся ситуации: почему явления происходят только в темное время суток? Официальной информации нет. Какие у вас будут варианты?

— Возможно, — отозвался Михаил, — это был прорыв не в параллельный мир, как нам говорят, а прорыв в ад. Поэтому у душ умерших нет сострадания к своим живым родственникам. Поэтому им привычнее в темноте.

— Допустим. Роза, твой отчим был еще тем говнюком, поэтому уверена, что его место в аду. — Я перевела взгляд на Михаила. — А кто явился твоей матери?

В воздухе повисло молчание. Михаил сжал зубы до хруста, удерживая внутри что-то страшное и рвущееся наружу.

— Мой отец! — Слова все-таки вырвались на свободу. — Он был священником и, конечно, не был святым. Но не мог так поступить с мамой! Это просто невозможно!

— Ладно, эта тема остается открытой, — я откинулась на спинку стула, разглядывая своих союзников, — нам нужна достоверная информация. И так как из массовых источников мы ее не получим, нужно обратиться ко второй стороне этих событий.

— Ты о чем? — не поняла Роза.

— Я поеду в дом к своей бабушке и буду жить там, пока она не явится ко мне.

— И на что ты рассчитываешь? — Возмутилась Роза. — Думаешь остаться после этого живой?

Я пожала плечами:

— По крайней мере, я попробую.

— Зачем тебе это надо? — Не унималась Роза. — Пусть разбираются власти, у них для этого больше возможностей.

Я замерла. Ее вопрос словно взломал замок, за которым пряталось то, в чем я боялась себе признаться. В самой глубине сердца жила безумная надежда на Его возвращение. Пусть глупая и детская, но только она давала мне силы жить дальше.

— Все равно поеду, — тихо повторила я. Голос не дрогнул, хотя внутри все переворачивалось.

И верну. Продам душу, если надо. Приму любые правила. Встану на колени в любом храме.

— Ты слышишь себя?! — Роза впервые за вечер повысила голос. — Это же безумие!

Но я уже не слушала.

Лишь бы вернулся...

Глава 14. Все не так!

Мне снилась Ба.

Она вела меня за руку через бескрайнее поле, поглощенное молочным туманом. Я едва видела собственные ноги и спотыкалась на невидимых кочках, но ее пальцы — сухие и ледяные — крепко держали меня, заставляя двигаться вперед. Ба шла уверенно, будто плыла над землей.

Впереди показался свет. Сначала лишь бледное пятно в пелене тумана, но с каждым шагом он разгорался, пока не превратился в огромный, полыхающий до неба костер, бивший прямо из-под земли.

Жар обжигал лицо, а треск был такой сильный, будто туда подкидывали гранаты вместо дров. Возле костра туман рассеивался, бабушка развернулась ко мне — ее глаза горели ярче огня.

«Все не так!» — Успела крикнуть она. Пламя перекинулось на ее платье, пожирая тело алыми языками.

Ба молчала, исчезая в огне.

Я кричала.

Крик вырвал меня из сна, застряв в горле. Комната задыхалась в собственном воздухе, а простыни липли к телу. Не раздумывая, я натянула первую попавшуюся одежду и выскочила на улицу. Ночь встретила прохладным дыханием спящего поселка. Мысли все еще цеплялись за увиденный сон. Что не так? Наши вчерашние разговоры? Мои намерения? Надежда Его вернуть?

Все не так.

Меня отвлекла огромная фигура за забором.

Тень.

Точь-в-точь как в прошлый раз: неестественно высокий, с безликим капюшоном и убийственными берцами, словно созданными для того, чтобы дробить кости.

Мы замерли, уставившись друг на друга. Его глаз не было видно, но я точно знала — он смотрит на меня.

С ненавистью.

От страха затошнило, а ладони покрылись липким потом.

Забор между нами внезапно показался бумажным — один его шаг и меня не станет.

Почему я не отгородилась трехметровой стеной?

Но он так и не пошевелился. А я, когда вновь смогла двигаться, тут же сбежала в дом. Дверь захлопнулась с таким треском, что задрожали стены. Сердце взлетело к горлу и затрепетало пойманной в ловушку птицей.

Михаил выскочил из кабинета. Его взгляд скользнул по моему лицу, мгновенно прочитав весь ужас:

— Кто? — Тихо спросил он, но я его не слышала, сердце все еще колотилось в ушах.

— Кто к тебе явился? — Спросил он громче.

Я схватила его за рукав и потащила к окну, не оставляя выбора:

— Смотри, возле калитки забора, ты видишь?

Я впилась взглядом в его лицо, ловя малейшую реакцию — пусть увидит, пусть хоть кто-то подтвердит, что это не безумие. Его глаза метались в стороны, пытаюсь уловить хоть что-то, но для него улица оставалась пустой.

— Ну? — Я не выдержала.

— Никого не вижу, — сдался он.

— Срань господня! — Вырвалось у меня, а Михаил вздрогнул, как от пощечины, и автоматически перекрестился. — Может, у тебя плохое зрение?

Я цеплялась за последнюю соломинку, пытаюсь объяснить необъяснимое. Но он лишь молча помотал головой, глядя на меня с сожалением.

Значит, безумие...

Я медленно опустила рулонную штору и остаток ночи провела в гостиной, каждый миг ожидая, что Тень все-таки настоящий: постучится, или выбьет окно, и прирежет нас всех.

Если бы рядом были родители, мама наверняка бы нашла способ успокоить меня.

Если бы рядом был Давид, я бы и не волновалась.

Глава 15. Возвращение

— Не гони, ты давно не была за рулем, — проворчала Роза с пассажирского сиденья.

Спустя два дня нервных сборов, мы ехали в деревню к Ба. Роза вцепилась в меня как репейник, клятвенно обещая, что будет ночевать в машине. За ней увязался и наш батюшка — в последние дни они подозрительно сдружились, постоянно проводя время вместе. Михаил не проронил ни слова за весь путь, только просил у Бога помощи при виде каждой церкви. А на пути их попадалось немало.

— Роззи, не истери — скорость 60. Для такой машины это все равно, что ползти на четвереньках.

Я забрала из гаража Его автомобиль, теперь принадлежавший мне. Адвокат к тому времени уже оформил все нужные документы на мое имя. Вчера я просидела в салоне до глубокой ночи, прижавшись лбом к рулю и жадно вдыхая воздух, в котором пока еще оставался Его запах.

Тень снова дежурил у забора. На этот раз я собрала остатки храбрости и поздоровалась с ним, заходя в дом. Но он молчал. Это уже не так сильно пугало — если галлюцинации видны только мне, значит в них нет реальности.

А своих демонов бояться бессмысленно.

Я свернула на узкую проселочную дорогу, никогда не знавшую, что такое асфальт. Каждое колесо жило собственной жизнью, то проваливаясь в яму, то подпрыгивая на кочках. До домика оставалось несколько километров, и я радовалась сухой погоде. Стоит пойти дождю — и эта колея превратится в гиблое болото.

Покосившийся от времени дом стоял прямо за полем, окруженный небольшим лесом с одной стороны и фруктовым садом с другой. Такой же, как и девять лет назад, когда мы были здесь в последний раз.

Я заглушила двигатель и вышла из машины навстречу прохладному, но такому чистому воздуху. Здесь дышалось полной грудью, несмотря на печальные воспоминания о смерти Ба. В последние годы она жила одна, и когда у нее случился инсульт, то несколько дней Ба пролежала на жаре, пока мы не поняли, что она слишком долго не отвечает на звонки. Работники морга пытались хоть как-то привести ее тело в порядок перед похоронами. Но в гробу она все равно запомнилась желтой с черными трупными пятнами и постоянно вытекающей из носа жидкостью.

Ключи лежали в пакете под камнем у фундамента. Замок поддался не сразу — ржавая скоба сопротивлялась, пока я не надавила на дверь плечом. Дом, пробудившись от многолетнего сна, легко затянул меня внутрь, обволакивая плотным коконом воспоминаний. В прихожей все также стояла большая бочка, когда-то до краев наполненная зерном. В единственной комнате все те же занавески и огромная печка, которую я слишком боялась в детстве. По углам расставлены кровати, а на полу старенькие дорожки, сотканые бабушкой. Провода давно оборвали, поэтому я взяла с собой мощный фонарик, он освещал почти всю комнату. Оставив его включенным, я вышла на улицу попрощаться с Розой.

Сумерки сгустились, проглотив последние лучи солнца.

— Может, все отменим? — Роза спросила в тысячный раз. И мне впервые захотелось с ней согласиться, но мое глупое упрямство диктовало свои законы.

— Встретимся утром, ничего со мной не случится.

Роззи крепко меня обняла, а я по привычке сжалась от такого варварского нарушения моих границ. Михаил перекрестил напоследок и произнес молитву.

Я фыркнула, переступила порог и резко захлопнула дверь, окончательно отделяя себя от их мира.

Глава 16. Тварь

Комнату по-прежнему освещал фонарь, отбрасывая длинные дрожащие тени на стены. Садиться на пыльные кровати не хотелось, я выбрала стул, тщательно протерла его влажной салфеткой и поставила в угол — спиной к стене. Над головой висели иконы и лампада, которую Ба всегда зажигала перед сном.

Страшно.

Но не достаточно, чтобы сдаться.

Сто ударов сердца — и страх отступит.

Я прижала пальцы к ключице и, как в детстве, принялась считать свой ритм. Привычный ритуал успокаивал, и тело почти расслабилось, но тут фонарик моргнул.

А через минуту погас.

Кровь ударила в виски, и сердце забилося с такой скоростью, что считать стало бессмысленно. Непроглядная темнота сомкнулась вокруг, цепкими пальцами хватая за горло.

Тьма дышала.

Она стала осязаемой — можно было потрогать, но лучше зажмуриться и сбежать под одеяло.

Я застучала ногой по полу в подобии ритма, пытаюсь зацепиться за реальность. Но страх расплзался все глубже, рисуя жуткую тень. Вот она лезет в окно, скребет длинными когтями по стене, шаркает босыми ступнями.

Ведьма.

Та самая, из детских кошмаров. Страшнее, чем эта сраная печка!

Я замерла, ловя каждый шорох и готовясь к тому, что вот-вот мертвые пальцы сомкнутся на шее.

Из прихожей просочился звук. Сначала тихий, прерывистый, как писк застрявшей в ловушке крысы, но с жутковатыми переливами. Он неизбежно нарастал, пульсируя в голове, и через три удара сердца я с острой ясностью поняла:

Это голос Ба.

Ладонь сама прижалась ко рту — чтобы не закричать.

— Головой склоняясь...

Песня паутиной липла к языку.

— До самого тына...

Ее любимая песня.

Ужас прибил мое тело к стулу.

Бежать? Но это то, чего я хотела!

Резкий щелчок — и свет фонарика взорвал темноту.

В центре комнаты стояла Ба.

Такая же, как в последнюю нашу встречу. Точно такая же, какой была в гробу. На желтое опухшее тело еле натянули белый костюм. Голова укрыта такого же цвета платком, а на лбу церковная лента с крестом, куда я ее в последний раз поцеловала. Лента трепетала, вот-вот готовая сорваться, как будто в комнате был ветер.

Почему? Ну почему ты решила явиться ко мне в этом виде?

— Ба? — Звук застрял в горле, вырвавшись лишь хриплым выдохом.

Существо вздрогнуло, оборвав песню на полуслове. Желтые глаза зверя уставились на меня, пока ее чудовищный рот медленно расплзался в улыбке. Жидкость из носа тонкой струйкой стекала по сгнившим зубам в горло.

— Мариночка! — Воскликнула тварь слишком тонким голоском.

Я затрясла головой, отказываясь в это верить — призрак, демон, кто угодно! Только не Ба!

— Мариночка! — Она еле переставляла опухшие ноги, двигаясь ко мне.

Пол скрипел, будто вот-вот провалится.

— МАРРИНОЧКА! — Голос вдруг превратился в рык, грохотом прокатившийся по пустому дому.

Запах ударил в нос — земля и трупная гниль. Когда ее пальцы потянулись ко мне, я дернулась со стула, но спина тут же врезалась в стену.

Черт!

Надо было оставаться в центре комнаты — здравая мысль мелькнула слишком поздно.

Меня зажали в угол.

В ушах зазвенело, фонарик снова замигал, освещая вспышками ее лицо.

— Это неправда! — Я завизжала, что было сил. — Неправда! Ты не она!!! Ты не смеешь быть ею!!!

Полились слезы, а в горле застрял ком собственного страха. Тварь застыла в сантиметре от меня, все так же мерзко ухмыляясь. Защищаясь, я выставила руки, и в этот момент лента с крестом упала с ее лба. Инстинктивно я подхватила ее.

Она была реальной.

Боже...

Эта гребаная лента была холодной и липкой!

Время замедлилось, став то ли моим союзником, то ли палачом. Я толкнула тварь, врезаясь руками в ее грудь — пальцы провалились во что-то мягкое.

Глаза зажмурились сами.

Это плоть?

Не смотри...

Под пальцами что-то хлюпало, будто я возилась в грязи.

Фонарь погас.

Она не дышала.

— Мариночка? — снова этот противный детский голосок.

Фонарь вспыхнул.

Я открыла глаза: тварь уставилась на меня. Ее взгляд пылал безумием, а прежняя улыбка сменилась злобным оскалом. Я не понимала, что происходит. Мои руки все еще тонули в ее теле — липкой, податливой, разлагающейся плоти.

Фонарь погас.

— Ах ты мерзкая девка! — Зашипела она. — Ты сдохнешь!

Фонарь вспыхнул вновь.

— Ты сдохнешь, как и все вокруг тебя! Больше никто тебя не спасет!

Тварь задергалась, словно по ней пустили электрический ток. Я вырвала руки из ее тела, по-прежнему сжимая ленту между пальцев. С кожи стекала густая желтая жижа.

Она билась в агонии, корчась под невидимыми пытками. Казалось, ее тело сейчас лопнет, и наружу вылезет что-то еще более ужасное.

Свет исчез.

Внезапная тьма вернула мне ясность мысли. Я отшвырнула стул в сторону твари — дерево грохнулось о пол, а за ним раздался влажный шлепок упавшего тела.

Фонарь включился.

А я побежала.

Сжимая ленту в руке, словно это была последняя нить, связывающая меня с рассудком. В темной прихожей я снова ослепла, но ноги, помня каждую ступеньку, понеслись сами. Чудом

не задев мебель, я врезалась в дверь. Замок открылся с первого раза, и ночной воздух ударил в лицо — холодный, чистый и бесконечно дорогой.

Ливень хлестал по спине, слезы растворялись в потоках воды, пока я яростно отскребала гниль с липких рук. Порыв ветра вырвал ленту из пальцев — она закружилась в воздухе и исчезла во тьме.

Машину тоже не было видно, но Роза открыла дверь, позвав меня, и я бросилась в сторону голоса.

— Роза! — закричала я, — Ро... за! — Рыдания рвали слова на части.

Молния сверкнула, раскроив черное небо пополам. Земля раскисла, превратившись в топкое месиво — каждый шаг давался с борьбой, кроссовки засасывало, как в трясине. Еще чуть-чуть — и рухну.

Но я дотянула.

Вцепилась в дверцу машины и бухнулась на сиденье, стягивая мокрую куртку.

— Как ты? — Роза включила свет, а я завела двигатель, выкручивая на максимум обогрев. Дрожь не утихала, казалось мое тело сейчас разлетится на куски от напряжения.

Как тело Ба...

— Роза... — Голос снова сорвался, а мысли запутались окончательно.

Она не стала ждать объяснений, сунула мне под язык таблетку, и притянула к себе, обняв за плечи.

— Потерпи, скоро все пройдет, — прошептала она.

На заднем сиденье Михаил читал молитву благодарности, и впервые за долгие годы я была не против.

Постепенно рыдания перешли в тихие всхлипы. Я уставилась в окно — в ту сторону, где стоял дом. Очередная молния озарила не только его, но и стоявшую рядом Тень.

Успокоительное сделало свое дело: мне стало плевать. Даже если сейчас молния угодит прямо в машину.

Но этого не произошло.

Она попала в дом: крыша с грохотом треснула, выплеснув в ночь фонтан искр. Пламя вспыхнуло жадно, но ливень задушил его за минуту, оставив только едкий, уходящий в небо дым.

Перед тем как сознание уплыло, я поняла, что мы тут надолго застряли.

Глава 17. Сосед

— Ты знала, что тут нет связи? — Роза пихнула меня в бок, и я окончательно проснулась. Серое утро отражало наше общее настроение. Дождь закончился, а от дороги осталось лишь воспоминание. Я вылезла из машины, разминая онемевшие конечности — спать, скрючившись на сиденье, было отвратительной идеей.

Михаил ходил по периметру с телефоном, поднятым к небу, в надежде поймать хоть одну полосу сигнала.

— Знала, — прохрипела я.

— Мы не сможем вызвать эвакуатор. Или такси. А если снова пойдет дождь? Будем сидеть тут до лета? — Роза расчесывала запястья, как обычно, когда паниковала. — Воды три бутылки. Еды почти нет!

— У соседней трактор есть, — я вспомнила, как папа ходил за помощью всякий раз, когда здесь случался дождь. В этой маленькой деревне трактор был единственным спасением.

— Тут есть соседи? — она махнула рукой в сторону окна. — Я вокруг ни одной хижины не вижу.

И я ее понимала: до ближайшего дома почти километр грязи. Но выбора не было.

Скучно позавтракав печеньями, мы отправились за помощью. Если, конечно, соседи еще живы — мысль о том, что они могли разделить судьбу Ба висела между нами невысказанной.

Дорога оказалась испытанием. Размокший чернозем лип к подошвам, трава еще не поднялась, и весеннее поле представляло собой сплошное месиво.

— Ри, ты расскажешь, что вчера было? — пропыхла Роза, с трудом вытаскивая ноги из грязи.

— Не здесь.

Не в этом проклятом месте. Да и рассказать — значило признать реальностью вчерашнее, а я еще не была к этому готова.

Через полчаса старенькая хижина показалась из-за посадки. Покосившиеся стены, прогнившее крыльцо, но в окне, к общей радости, горел свет.

— Схожу сама, — бросила я через плечо.

Дверь с резким скрипом поддалась, будто предупреждая, что здесь хранятся жуткие тайны. Внутри пахло старостью, вековой пылью и гнилыми яблоками. Тусклая лампочка, натянутая паутиной, мерцала, заставляя тени плясать по облупленным стенам.

Проходя через узкий коридор я вспомнила, что у соседа кроме трактора было ружье, поэтому на всякий случай громко крикнула:

— Здравствуйте! Мы за помощью.

Но, не получив никакого ответа, зашла в комнату сквозь задернутые шторы в дверном проеме.

В углу на покосившемся стуле сидел дед, но я его не узнавала.

Мутные, затянутаые пеленой глаза смотрели сквозь меня, словно он видел что-то по ту сторону реальности. Беззубый рот растянулся в широкой ухмылке.

Опять?

Жирные пряди редких волос липли ко лбу. Кожа натянулась на черепе с такой силой, будто вот-вот лопнет, обнажив уже давно мертвую плоть.

Он молчал.

Я сделала робкий шаг вперед и продолжила, ломая тишину:

— После дождя машина застряла. Ее бы трактором дотащить до трассы.

Старик не шевелился. По моей спине стекла струйка пота.

— Вы меня слышите? — Голос сорвался на шепот, хотя я хотела кричать. Нужно было убедиться, что он не мираж, не кошмар, а... человек?

— Зови Михаила, — вдруг прогремел старик, а рот так и остался неподвижным.

Я отпрянула, не сводя глаз с окаменевшей улыбки, но за спиной скрипнула половица — Михаил уже зашел в комнату и встал рядом.

В стенах заскреблись — что-то ползло по деревянным балкам, царапая их изнутри.

И тогда старик начал расти.

Словно его поднимали за ниточки, как марионетку. Вот он уже сгибал голову под потолком, по-прежнему улыбаясь, как клоун. Сердце закололо от постоянного страха: рядом со мной снова какая-то нереальная тварь.

Почему днем?

Я шагнула назад, готовая рвануть к двери. Уйти — хоть пешком, хоть ползком — но подальше от этого места.

— Идем! — Я схватила парня за рукав, но он будто врос в пол, глядя вверх в слепые глаза твари.

Она наклонилась ниже, вытягивая змеиную шею, пока голова не замерла в сантиметре от нас.

Запах.

Я поймала его только на выдохе: горько-сладкий и едко-нежный. Нечеловеческий.

— Ты такой же как и твой извращенец-отец? — Существо закатило глаза в экстазе, обнажая кровавые прожилки на белках. — Такой же любитель молодых монашек? О, святой отец! — Оно заскулило, передразнивая женский голос. — Трахните меня жестче! Окропите своей божественной жидкостью!

Тварь корчилась в непристойных конвульсиях, челюсть отвисла, и из перекошенного рта хлынули слюни. Густые, желтые — они капали на пол с чавкающим звуком.

— Ты тоже засаживаешь прихожанкам в своей дерьмовой часовне? Или только думаешь об этом? — Голос гремел повсюду, казалось, сами стены шептали эти слова.

Я дергала Михаила за руку, но он замер, словно кто-то невидимый держал его с той стороны.

— А вот и твоя девка, о которой ты мечтаешь по ночам!

В дверном проеме появилась Роза. Она упрямо смотрела в пол, как будто если не встретиться с тварью глазами, то можно считать это игрой. Дурным сном.

Сохранить рассудок.

— Роза! — Завыла тварь. — Ты такая же шлюха, как и твоя мамаша! Но мечтать не о чем... Вы все скоро содохнете! Толстый хер вам вместо счастья! АД! Всех вас ждет АД!!!

Последние слова волной ударили по ушам, заставляя сжаться. Крик проникал прямо в череп. Роза без раздумий вмазала Михаилу по щеке — его голова дернулась, а взгляд тут же прояснился, смывая оцепенение.

Мы бежали друг за другом, протискиваясь сквозь удушающую тесноту узкого коридора. Дьявольский хохот рвался следом, цепляясь липкими пальцами ужаса за наши спины.

Я мчалась обратно по нашим следам. Ноги подворачивались в грязи. Роза бежала за мной, громко всхлипывая. Михаил шел последним — мрачный, молчаливый, с лицом человека, только что расторгнувшего договор с Богом.

Хохот не отставал, играя с нами в адские догонялки. Когда до машины оставалось несколько метров, на нас обрушился ливень. Ледяные струи хлестали по спине, а молния снова рассекала небо, призывая гром заглушать любые мысли в моей голове.

Глава 18. Молись

Мы сидели в машине, словно три статуи, застывшие в разных позах отчаяния. Я перебирала в голове слова твари. Если она не лгала об отце Михаила... то наша теория подтверждалась:

— Думаете, действительно к нам являются души из ада?

Мои слова прозвучали неестественно громко. Роза повернулась ко мне медленно, как во сне:

— Ты... СЕРЬЕЗНО хочешь сейчас об этом поговорить? — Ее голос дрогнул, став на мгновение непривычно высоким. — Нам только что предсказали смерть, а тебя волнует смысл кошмара? Мы здесь умрем! Что тут непонятного? Нас не выпустят из этого места!

— Роззи, выпей успокоительное. — Буркнула я. — И батюшке дай, его колотит.

Мой страх куда-то исчез, сменившись непривычным равнодушием, будто кто-то аккуратно выскоблил все нутро, оставив только холодную скорлупу. Роза нервно рылась в сумке, ища таблетки. Я пыталась поймать радио, но в этом месте отсутствовала любая связь.

Через полчаса лекарство подействовало и ужас моих перепуганных союзников сменился тяжелым сном. Я же неотрывно смотрела на бабушкин дом, пока сумерки не сгустились в полноценную тьму. Дождь прекратился и в лунной дорожке появился Тень: он стоял неподвижно, заставляя меня сомневаться в своем разуме.

Я не успела понять, как сон проглотил меня, но очнулась в абсолютной тьме. Руки беспомощно ощупывали пустоту, не находя ни стен, ни пола, ни собственного тела.

— Уезжай! — Раздался ее голос.

Интересно, как?

— Ба, мы тут застряли! — Прокричала я в ответ.

Но она будто не слышала меня и повторяла одно и то же. Голос нарастал, становясь слишком громким и последнее «УЕЗЖАЙ!» вырвало меня из сна.

Я включила двигатель.

На приборной панели холодно светились цифры: 2:17.

Что нам терять? Мы и так уже на дне. В конце концов, проедем, сколько сможем, а утром доползем до трассы пешком. Если снова не пойдет дождь.

— Ри, что ты делаешь? — Сзади раздался сонный голос Розы, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности.

— Везу нас домой. Есть возражения?

Я включила заднюю передачу и выехала на остатки дороги.

Всего пять километров — и мы выберемся на трассу. Машина дергалась, колеса буксовали в хлюпающей грязи. Куски налипали на стекла и зеркала, и дворники скрежетали, бесильно сдирая лишь верхний слой жижи.

В груди опять закололо, страх шептал сдаться, отступить, принять свою участь. Я лишь сильнее вдавила педаль газа. Мотор взвыл в протесте, но все же продолжал тянуть нас вперед. Казалось чудом, что мы вообще могли двигаться в этом болоте.

С заднего сиденья донесся изумленный, почти восхищенный шепот.

— Как?

Никто не понимал, и мы почти поверили в наш успех, но боковое зрение заметило движение среди крошечной тьмы. Я повернула голову — по обочине среди затопленных полей неслись тени. Их силуэты напоминали людей.

Гигантских существ.

Нога была готова продавить педалью пол, но разум вовремя запротестовал: в этой жиже мы просто перевернемся.

Хоть бы это было неправдой!

Но глухой удар по крыше, от которого содрогнулся весь кузов, разрушил хрупкую надежду. Второй пришелся по багажнику. А затем посыпались сотни ударов, словно в нас швыряли камнями.

Сзади перестали дышать.

— Я одна это вижу? — Голос сорвался на крик. — Снова только я? Да ответьте же!

— Я вижу, — глухо отозвался Михаил.

В этот момент колеса ударились о что-то массивное — машина подскочила и съехала в черноту. Пальцы впились в руль, тщетно пытаясь вернуться на дорогу.

— Не смотри туда, — Михаил перелез на пассажирское сиденье и схватился за руль, помогая перебороть его сопротивление.

Кто-то дергал за ручку моей двери, будто пробовал на прочность.

Далеко впереди мерцали фонари трассы — желтые огоньки спасения в черном полотне ужаса.

Навязчивый шепот просачивался сквозь стекло: «*Останься!*» И тело предательски подчинилось: нога, словно чужая, соскальзывала с педали.

— Молись! — Выдавила я, чувствуя как губы тоже немеют.

И Михаил начал молиться:

— О, Преславный Воевода Небесных Сил, Архангел Михаил, призываем тебя в наших молитвах. Защитник и Победитель небесных войн, прошу тебя, отгоняй от нас бесов, демонов и всякую лукавую силу дьявола...

В ушах взорвался адский хор — визги, скрежет когтей по стеклу, проклятия. Но тело снова ожило, и я решительно вдавила педаль.

— Твоим оружием светлым и силой твоей непобедимой, освободи наши души и тела от темных сетей зла... — Слова молитвы песней лились по салону, а голос Михаила наполнился силой, будто в его груди бился колокол. — Через твое могущественное заступничество да сокрушатся все злые силы!

Двигатель больше не захлебывался, а размытая грунтовка неожиданно выровнялась. Я обернулась — тени неподвижно застыли на горизонте бесформенной черной массой.

Через пять молчаливых минут мы выехали на трассу.

Это было спасением?

Сегодня мы избежали конца, но на всей скорости неслись навстречу бесконечному отчаянию.

Глава 19. Осколки прошлого

Я припарковала машину у дома на рассвете. Первые лучи солнца золотили террасу, где среди букетов беззаботно дремал огромный черный кот. Он не сбежал, когда я шикнула на него, лишь зашипел в сторону Розы, медленно перебрался на забор и оттуда следил за каждым движением.

Едва успев смыть с себя грязь, я провалилась в тревожный сон. Но через четыре часа кошмары выдернули меня обратно. К обеду я вышла в гостиную. Сидя на диване, прижавшись друг к другу, спали Роза и Михаил. Чтобы не нарушить это хрупкое спокойствие, я закрылась в кабинете, включила компьютер и открыла новости.

Может, хотя бы они вернут меня в реальность?

Экран монитора треснул после неудачного падения, но продолжал работать:

«Мы постепенно подходим к разгадке. Сущности параллельной вселенной не могут прижиться в этом мире. Поэтому они вселяются в людей. Тело человека им нужно, как космонавту скафандр...»

«Молитвы не препятствуют вселению...»

«Не доверяйте гадалкам и колдунам. Кроме церкви вам никто не поможет...»

«Кладбища пустеют: мертвые возвращаются в ином виде.»

Я открыла последнюю статью и вчиталась в текст:

«Экстренное оповещение МЧС:

Установлено, что паранормальные сущности теперь способны вселяться в тела умерших, создавая агрессивных существ. Кладбища и могилы стали опасными зонами. Избегайте посещения мест захоронений. Не выходите ночью без необходимости. При угрозе немедленно звоните в службу спасения.

Это официальное подтверждение существования «ходячих мертвецов». Будьте бдительны.»

Я перечитывала строки снова и снова, но осознание не приходило. Всего месяц назад мы сочли бы это за первоапрельскую шутку. Теперь же оставалось молча принимать новые правила безумного мира.

Покорность поразила меня.

Может, просто устала?

Может, запас эмоций иссяк, и стало нечем питать панику?

И тут я поняла — с последней с Ним встречи не было ни единой панической атаки. Хотя кошмаров хватало — один хуже другого.

Я перевела взгляд в окно, где стоял Его дом.

Почему Он больше не явился ко мне?

Кто явился к Нему и свел с ума?

Об этом мог знать адвокат.

Через два часа после тщательной мойки машины я уже сидела в просторном кабинете, рассматривая город через панорамное окно. После грязных дорог и ночных кошмаров это все казалось раем — оазисом среди увядающего мира.

— Зовите меня просто Артем и можно на ты.

Он разливал чай с излишней медлительностью. Его округлое лицо с легкой щетиной расплылось в добродушной улыбке.

Может, они дружили?

— Да, так удобнее. — Согласилась я, взяв горячую чашку в руки. — Мне нужно узнать больше о Нем.

— История Давида... непростая. — Артем шумно отхлебнул, собираясь с мыслями. — Он женился довольно рано, в восемнадцать. И тут же его забрали в армию. Через год у них родилась дочь.

Странно было слушать о Нем что-то такое... обычное.

— Когда им было по двадцать, жена нашла родню за границей. Хотела уехать. Давид не мог — его мать тогда уже лежала в хосписе. В итоге жена просто исчезла. С ребенком. Оставила записку и ... — он потер переносицу. — Тест ДНК. Девочка оказалась не его.

Артем замолчал. Я вдавила дно чашки в ладонь, прижигая кожу и пытаюсь не разреветься.

— Почти сразу умерла его мать. Отца он практически не знал, тот работал на мафию и попал на большие деньги. Когда начались слишком серьезные угрозы, мать забрала пятилетнего Давида и сбежала, оборвав все связи. Поэтому он вырос, никого не зная.

Я кусала губы, пытаюсь скрыть злость. Почему не узнала об этом от Него? Почему, когда Он был рядом, мне были важны только свои чувства? Я столько времени растеряла на ненависть...

— В двадцать лет он остался совершенно один. — Продолжил Артем, нервно постукивая пальцами по пустой чашке. — А человеку нужно знать, что его кто-то любит, чтобы не сорваться в пропасть. И он сорвался. Плохая компания. Тяжкие телесные. Три года тюрьмы.

Слезы все-таки нашли выход. Я отвернулась к окну, будто в отражении можно было растворить горе.

— Он вышел по УДО с диким желанием доказать всему миру, что чего-то стоит. Поступил в университет и параллельно занимался бизнесом. И превратил работу в культ. В единственную разрешенную форму любви. Стал лучшим. Только вот...

Артем жестом показал на окно — тот самый мир, где теперь не было Его.

Тишина растянулась, превращаясь в бездну, где тонули последние надежды. Я потянулась за салфеткой, механически вытирая кровь на пальцах и губах.

— Объясни тогда... почему Он все оставил мне? Почему не друзьям, если родственников не знает?

— После тюрьмы он перестал верить в дружбу. Последние годы жил как отшельник. — Артем развел руками. — Его решение и для меня стало сюрпризом.

— Тогда кто мог явиться к Нему? В том доме кто-то умирал?

Я замерла в ожидании ответа.

— Насколько знаю, нет, — Артем пожал плечами и поставил пустую чашку на стол. — Он купил этот дом полгода назад и жил там один.

Разочарование вышло наружу тихим вздохом — тайна так и осталась нераскрытой.

Резкий стук в дверь прервал нашу беседу. Артем тут же занялся документами, а я незаметно выскользнула из кабинета, оставив на столе нетронутый чай.

Дорога домой растянулась на часы и слилась в единое серое пятно. В голове крутились обрывки Его истории. Выходит, мы были похожи. Ни друзей, ни родных.

Два одиночества, запертые в своих клетках. Только его — из колючей проволоки прошлого. А моя — из страха довериться кому-то снова.

Глава 20. Страна Кошмаров

Когда я подъехала к дому, окна уже отражали первые звезды, а у ворот меня встречали Тень и кот. Что ж, странных поклонников становилось все больше. Я еще успела удивиться, что так легко рассталась со своим любимым одиночеством, как неожиданно Тень заговорил со мной:

— Тебе не кажется, что пора уже познакомиться?

Его голос не был ни низким, ни громким — просто... властным. С неоспоримой интонацией, когда все слова принимаются на веру.

Я вглядывалась в его расплывчатый силуэт, но черт лица по-прежнему не было видно. Галлюцинация явно не собиралась становиться четче.

Может позвать Розу? Чтобы зафиксировала начало моего безумия?

Вступать в диалог с несуществующей Тенью было бессмысленно, но болезнь явно прогрессировала: к зрительным галлюцинациям теперь добавились и слуховые.

— Ты не больна, — хмыкнул Тень. — А я вполне реален.

Я рывком достала телефон из кармана, трижды промахнулась дрожащими пальцами мимо иконки вызова, но все-таки смогла набрать Розу.

Гудки шли, подруга не брала трубку, хотя я четко видела ее в окне кабинета с телефоном в руках.

— Роза! — Мой крик разбился о стекло окна, даже не заставив ее поднять взгляд.

— Хватит!

Тень схватил меня за запястье, и ледяной ожог пронзил кожу до кости. Я дернулась, наконец повернувшись лицом к лицу — если эту черную дыру в капюшоне можно было назвать лицом.

— Кто ты? — Прошептала я, вырывая руку. Он и не пытался удержать, будто ему самому было неприятно касаться меня.

Тень наклонился, и дыхание обдало ухо морозным паром:

— Спроси... точнее...

Каждое слово оседало инеем на моих волосах.

Я замерла. Эта безликая чернота под капюшоном впитывала все мои мысли, глотала кусками разум, оставляя только животный ужас. Ноги онемели, пальцы заоченели, даже дыхание застряло где-то в середине груди, боясь потревожить тишину.

— Ну? — Рывнул он, выводя меня из транса.

— Покажи свое лицо, — просипела я, не надеясь увидеть в нем ничего хорошего.

Тень выпрямился и откинул капюшон. Пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть — передо мной стояло не безликое исчадие кошмаров, а...

Человек?

Нет. Слишком неземной. Кожа излучала холодное сияние. Абсолютная симметрия лица только подчеркивала его нечеловечность. Черные глаза — пропасти, широкие скулы и идеально прямой нос... Длинные черные волосы замотаны в пучок на затылке.

Но губы...

Они были образцом совершенства. Ровные, с четким контуром, обведенные тонкой кистью влюбленного художника.

Судьба насмеялась, подсовывая мне Его губы на этом...

Ангеле?

Настоящие ангелы не являются в три часа ночи, не дышат ледяным паром на твою шею и уж точно не заставляют внутренности сжиматься от животного ужаса.

— Демон? — Сорвалось с языка.

— Следующий вопрос. — Он проговорил это с таким выражением, словно провел вечность, отвечая на глупости.

— Так ты человек?

Я наконец обрела возможность шевелиться и тут же отступила на шаг.

— Следующий вопрос.

Тень не просто говорил — он давил. Всем своим существом.

Возмущение застряло в горле.

— Как тебя зовут? Или это тоже не обсуждается?

Шея затекла от постоянного напряжения, но опустить взгляд — значило признать его превосходство. В нем было точно больше двух метров.

— Можешь звать меня Аз.

— Сокращенно? — Аз кивнул. Мозг лихорадочно перебирал варианты. — От какого имени? Азербайджан? Азитромицин?

Слова закончились, оставляя только глупое ощущение, что я играю в абсурдную викторину непонятно с кем.

— Хватит! Не нравится, можешь по-прежнему обзывать меня Тенью, — он словно побывал в моей голове.

Может, и правда галлюцинация? И его голос — лишь эхо моих мыслей?

— Ладно, — я машинально кивнула. — Мы что, еще будем общаться? Мне обязательно тебя как-то называть?

Нелепый вопрос повис в воздухе. И что я надеялась услышать в ответ? Лучше бы он просто растворился, и все.

— Все ясно. Можешь идти домой. Знакомство на сегодня окончено. — Аз накинул капюшон и отвернулся от меня, направив взгляд на окна моего дома.

Я чувствовала себя странно.

Ноги двигались сами по себе.

У двери меня ждал кот. Он лениво потянулся, выгнувшись и вдруг...

Не может быть...

Его спина доставала мне до колена...

— Брысь, — дрожащим шепотом шикнула я коту, и тут же в голове получила ответ:

«Кот простит. Но сначала накажет.» — Голос был чужим. И одновременно знакомым.

Голос из прошлого?

Кот смотрел на меня своими неподвижными желтыми глазами. А я наконец поняла, как себя чувствовала: как та самая Алиса, которая попала в страну Чудес. Только моя страна называлась Кошмаром.

Глава 21. Бог покинул нас

— Я боюсь спать!

Роза снова истерила. Может, и не стоило рассказывать в подробностях про встречу с тварью.

Мы сидели за кухонным столом, Михаил разливал по кружкам чай. Утренний свет, льющийся сквозь окна окончательно уничтожил мои сомнения — это точно была не Ба.

Я смотрела на очередной букет, принесенный курьером, размышляя, что закончится раньше: служба доставки, обреченная исчезнуть в новом мире или оптимизм Давида, перед смертью оплатившего ее на год вперед.

— Эти... существа, — паника Розы вернула меня в реальность. — Они же не призраки! Что-то гораздо хуже... — ее потряхивало от избытка эмоций. — Они придут к нам! В любой момент!

— Думаю, они тоже привязаны к месту, Роза, — я попыталась ее успокоить. — Тот старик не вышел из дома. А гнавшиеся за нами тени остались на границе деревни.

Я вспомнила про свою Тень у дома, но решила пока об этом не рассказывать — Роза и так была на грани.

А Михаил сегодня молчал. Он вообще был неразговорчивым парнем, но с Розой они постоянно болтали о всякой ерунде. Его руки все чаще ложились на ее плечи. Утешая. Заботясь.

— Может, молитвы все же работают? — Спросила я Михаила, вспоминая, как ему удалось отогнать тех сущностей от машины. — Хотя в очередных новостях пишут, что они бесполезны.

Наш батюшка по утрам продолжал ходить в часовню, но никогда не задерживался, неизменно возвращаясь к завтраку.

— Бог покинул нас! — Неожиданно и со злостью выплюнул он. — Когда живые проникают в мир мертвых, а мертвые возвращаются к живым — это означает одно из двух. Либо Бог не всемогущий и тогда получается, что он не может справиться со злом. Либо он может все прекратить, но ненавидит нас настолько, что и пальцем не пошевелит в ответ!

Только разочаровавшегося батюшки мне не хватало. Когда он успел все переосмыслить?

— Мне кажется, что Бог и не должен вмешиваться. — Медленно проговорила я, собирая мысли. — Высшая сила — это единое целое: добро и зло. Свет и тьма. Рай и ад. Церковь же дробит истину на удобные куски, призывая людей любить Бога и ненавидеть дьявола. Бог не может быть только добром. Бог не карает. Бог не любит.

И уж точно Бог не спасает.

— Бог — есть любовь, — процитировал он Библию.

— Есть ли у Бога чувства? — Горько усмехнулась я. — Он не станет нас вытаскивать из ямы, которую мы сами выкопали. Сами сделали, сами должны исправить.

Михаил страдал. Его боль, слишком огромная для одного человека, выплескивалась наружу — острыми словами, дрожащими руками, взглядом, полным гнева и отчаяния. Хотела бы я помочь, но... Вряд ли та, которую он считает неверующей, сможет утешить его.

Парадокс в том, что я верила в Бога, просто не верила в человеческую церковь. Сейчас мои убеждения тоже трещали по швам. Церковь все-таки оказалась местом, где можно спрятаться от явлений. Для меня это была какая-то глупость.

Очень странная шутка, которую мы пока не поняли.

Мысли не давали покоя весь день, и когда ночь опустилась на поселок, я вышла во двор в надежде найти хоть какие-то ответы. Аз неподвижно стоял на прежнем месте. Лунный свет

скользил по его силуэту, намеренно обходя черную дыру капюшона. Кота поблизости не было видно.

— Сегодня лучше соображаешь? — Спросил он вместо приветствия.

— Ты ответишь... на мои вопросы?

Я нервно терла вспотевшие ладони друг о друга. Казалось, что он знает все ответы, но страшнее было другое — готова ли я услышать правду?

— Только на те, что сможешь пережить, — подтвердил мои мысли Аз.

Я опустилась на холодную землю, вновь теряя опору. Доски забора впивались в спину, как в ночь Его смерти. Аз навис надо мной, заполняя все пространство — огромный и неизбежный, как грозовой фронт перед бурей.

От него исходил могильный холод, пробирающий до костей. А дыхание рядом с ним превращалось в пар, хотя ночь была теплой.

— Бог покинул нас? — Сорвалось с моих губ прежде, чем мозг успел отфильтровать глупости.

Аз захохотал — раскатами грома, способными разбудить весь поселок. А мои щеки запылали от стыда.

— Ладно, — я прикусила губу. — Это совсем не то, что хотела спросить... Кот твой? — И сразу пожалела, задав второй идиотский вопрос подряд.

— Кот твой, — отрезал Аз.

Животное как раз вышло из темноты и уселось напротив меня, обхватив хвостом огромные лапы.

«Я буду приглядывать за тобой. Пока не прыгнем с крыши.» — прозвучал в голове непривычно чужой голос, который скорее всего принадлежал коту.

— Почему ты здесь? — я повернулась к Азу.

— Договор, — коротко ответил он.

Это все?

Аз напомнил мне бабушку в моих снах, та тоже говорила обрывками.

— С кем?

— Не сегодня, — оборвал меня Аз.

— Ладно, — пробормотала я, — тебя... другие не видят?

— Если мне так нужно.

— Почему я не вижу тебя днем?

— Потому что мне так нужно.

О, это был не диалог, а какая-то бесперспективная затея. Я сидела, нервно ковыряя губы ногтями. Аз снова превратился в стоячий труп. Невыносимо хотелось сбежать хоть куда-то. В идеале в прошлое.

— Ты не человек, — я прервала затянувшееся молчание.

— Это не вопрос, — отрезал Аз, даже не шевельнувшись.

— Я права?

— Никогда не был... человеком. — Последнее слово он выплюнул с особой брезгливостью, словно жучка, случайно залетевшего в рот.

— Это все?

— Хватит.

Я поднялась, отряхивая землю с одежды. Дом манил тишиной — хоть на минуту сбежать от этого цирка. Кот шел следом, его лапы бесшумно ступали по плитке. У порога я остановилась, взглянув на него:

— Хочешь в дом?

— *«В нем запах православия,»* — зашипел в голове кот.

— Наш батюшка, похоже, скоро уволится.

— *«Если священник умирает, это увольнение или повышение?»* — голос передразнивал, как плохой актер, читающий чужие шутки. — *«Как думаешь, Веснушка?»*

Я застыла. Давно меня так не называли.

Через пару мгновений, пронизанных болезненными воспоминаниями, я вновь обратилась к коту.

— А ты сможешь ответить на мои вопросы?

— Мяу!

Но это чудовище не вовремя перешло на родной язык. Вся ситуация сводила с ума.

— Гав! — Огрызнулась я на кота и захлопнула за собой дверь.

Глава 22. Букашка, Солома и Ромашка

— Эй, Букашка! — Раздался голос Аза под моим окном.

Я ворочалась в постели, пытаюсь загнать себя в сон. Прошло несколько дней после нашего последнего странного разговора. Роза за это время пришла в норму. Михаил тоже чувствовал себя неплохо, а сегодня вернулся особенно радостным. Я не лезла с расспросами, если нужно, расскажет сам.

— Хватит возиться, выходи, есть разговор.

Я натянула первое, что попало и распахнула дверь прямо в грудь Азу. Он стоял на крыльце, нарушая все негласные правила. Еще и улыбался при этом. Не насмехался, не издевался. А настоящей, почти человеческой улыбкой с морщинками в уголках глаз.

— Почему Букашка? — Я отпихнула его подальше от двери, прикрыв ее за собой. — Можешь меня по имени называть.

— Не могу. Букашка тебе лучше подходит. Такая же мелкая и противная. И вечно лезешь, куда не просят, — Аз снова по-привычному оскалился, уничтожив в себе любой намек на человечность.

— А ты стал разговорчивее, — пробормотала я, почти обидевшись на новое прозвище. — Тоже придумай тебе какую-нибудь говнистую кличку.

Я отвлеклась на поиски Кота — в кромешной тьме его выдавали только два горящих желтых глаза, неподвижно висящих на ветке молодой яблони. Он словно почувствовал, что я ищу его, и с легким шорохом спрыгнул с ветки прямо под ноги.

— Ты знаешь, что этот болван Солома отрекся от сана и церкви? — Его возбужденный голос был пропитан ликованием, и он не обратил внимания на появившегося кота.

— Кто? Михаил?

По шее побежали мурашки. Если это правда, то во всем виновата я: не нужно было ему слышать о своем отце. Не надо было вообще тащить за собой в деревню ни его, ни Розу.

— Ты всем раздаешь клички? Почему Солома?

— Потому что такой же пустой внутри и легко ломается, — неожиданно прошипел Аз. Каждое слово било как плеть, пропитанная личной неприязнью, и я не поняла, откуда взялась такая ненависть к Михаилу?

— Ты пришел говорить? — Его злорадство начинало действовать на нервы. — Или самоутвердиться за наш счет?

— С такими человеческими идиотами невозможно самоутвердиться. — заявил Аз. — Но теперь ты можешь пригласить меня в дом.

Его улыбка стала шире, как у крокодила перед броском к жертве. Вообще, я не собиралась больше никого впускать, мой дом и так уже напоминал проходной двор. Но... если сегодня он настроен трепаться, то можно рискнуть.

«Незванный гость, как в горле кость,» — отозвался моим мыслям Кот.

— Так что, пригласишь? — Аз придвинулся ближе, обдав мои волосы морозным паром. А я залипла на его губах.

Так похожи...

— Ладно, заходи, — сдалась я, распахнув перед ним дверь.

Аз просиял и как-то уж слишком торжественно переступил через порог. Следом за ним ужом проскочил Кот.

— Коньяк налей!

Я еще ковырялась со шнурками, когда Аз устроился на диване. Мои соседи давно спали. После приезда из деревни Роза не могла находиться одна, поэтому Михаил охранял ее сон

рядом, в ее комнате. Это явно закончится прелюбодеянием. Может, еще и поэтому парень снял с себя все церковные обязанности?

— Мы не пьем. Алкоголя в доме нет. — ответила я Азу. Тот снова развеселился.

— Ты плохо знаешь своих друзей. Ромашка выпивает.

Аз поднялся с неестественной грацией и направился к холодильнику. Его движения были слишком уверенными для гостя, впервые находившегося в моем доме. Особенно, когда он, не глядя, достал спрятанную под овощами бутылку коньяка.

— Почему Ромашка? — Вздохнула я, плюхнувшись в кресло.

— До Розы не дотягивает, — Аз налил полный стакан и вернулся на диван.

— Может, расторгнем договор? — Предложила я. — Мы тебе не нравимся. Ты мне — тем более. Зачем терпеть друг друга?

Аз опрокинул коньяк одним движением — слишком человеческим для него. Стакан со звоном встал на столик.

— Нельзя, — он провел языком по губам, ловя последние капли. — И ты мне нравишься... Ты забавная.

Его взгляд скользнул по мне оценивающе, как коллекционер рассматривает редкий экспонат. Я поджала губы, пропуская мимо ушей этот «комплимент». Куда важнее было другое:

— С кем у тебя договор?

— С тем, кто слишком сильно тебя любит, — Аз скривился от последнего слова.

— И кто же это? — Я затаила дыхание, ожидая наконец услышать имя.

— Тебе пора спать. — отрезал Аз, и не думая откровенничать. — Могу помочь со сном. Хочешь сладко вздремнуть, Букашка?

Он внезапно оказался слишком близко — холодное дыхание коснулось лба, а в его глазах заплясали странные искры. Без слов я встала и поплелась в свою постель, по дороге теряя последние мысли.

Проснувшись к обеду, я обнаружила Кота на своей подушке.

— Ошалел? — Возмутилась я, спихнув его на пол. — Ты же грязный!

— *«Никакая грязь снаружи не испортит отношения, если они чисты внутри»*, — Кот потянулся и демонстративно начал вылизывать свою шерсть.

— Либо ты шастаешь, где хочешь и спишь на полу. Либо я тебя вымою и на улицу ты больше не выйдешь!

Я скинула грязное белье на пол. Из кухни доносился звон посуды — Роза готовила обед, что-то бормоча под нос.

— *«Можешь мыть меня сколько угодно, но не сумеешь отмыть эту душевную рану, нанесенную тобой!»*

Кот уставился на меня немигающим взглядом. Я закатила глаза, собрала в кучу белье и вышла из комнаты. Явился же еще один бесноватый на мою голову. Как будто Аза было недостаточно.

Аза в гостиной не было. Ну что ж, день — не его стихия.

К ночи явится.

Роза напевала песню, размешивая салат. Гриль трещал, выбрасывая в воздух ароматные волны жареного мяса. Михаила не было видно.

— И где твой сожитель, Роза? — Спросила я, громко хлопнув дверцей холодильника. Она вспыхнула, как спичка. Ну точно, батюшка вчера согрешил. — Ты знала, что он уволился?

— Роза кивнула. — И как ты считаешь, это нормальный поступок?

— Он сам так решил, — огрызнулась она.

— Ему всего двадцать один, Роза, ты уверена, что это его выбор, а не наше давление? Я со своими демонами. А ты его вообще совратила! — Кофемашина зашипела, заглушая ее оправдания.

— Может, для него так лучше, Ри! В семинарию его родители запихнули, чтобы по стопам пошел. По каким стопам? Ты же слышала, что творил его отец? — Роза размахивала ложкой, капая маслом по столу. — Оказалось, его лишили сана за... это. Мишка узнал обо всем.

— Ты хоть влюблена в него? — Спросила я Розу, глядя прямо в глаза. — Потому что если нет, то не мучай своего Мишку. Он и так еле держится, а ты своими качелями его добьешь.

Роза отвернулась к окну, ничего не ответив. Я допила кофе и выскользнула за дверь.

В Его дом.

Последнее укрытие в этом безумном мире. Слишком много голосов. Слишком много глаз. Слишком много... всего.

Только здесь, в мертвой тишине, где время остановилось вместе с Его последним вздохом, я... горела от боли, но находила в этом странное утешение.

Среди Его вещей я могла притвориться, что все хорошо. Он просто вышел на минуту и вот-вот вернется.

Здесь боль становилась сладкой. И пока я ее чувствовала — Он продолжал жить. Хотя бы в моей памяти.

Хотя бы в этих стенах.

Глава 23. Раз, мертвец. Два, мертвец

Я устроилась на широком подоконнике Его кабинета, прижав колени к груди. Электронная книга включилась теплым светом, открыв последнюю прочитанную Им страницу — «Мобильник» Кинга.

Знакомый текст сейчас приобретал новый жутковатый смысл. Я продолжила читать с Его места, и история о коллективном разуме зомби снова затянула меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.